

Только у СССР руки остались чистыми

Майкл Карли*

Когда в конце сентября 1938 г. окончился чехословацкий кризис, народный комиссар иностранных дел СССР М. М. Литвинов находился на заседании Лиги Наций в Женеве, где он до последнего момента пытался организовать помощь Праге, которая столкнулась с немецкими притязаниями и предательством со стороны своего союзника, Парижа. Казалось, Европа балансировала на грани войны. Британский министр иностранных дел лорд Галифакс отправил своих представителей в Женеву, узнать у Литвинова, что будет делать Советский Союз, если начнется вооруженная борьба. Литвинов знал, что британское правительство и, особенно, его глава Невилл Чемберлен не будут бороться за Чехословакию. Поэтому в беседе с английской делегацией он не замедлил обвинить Великобританию и Францию в потворстве Гитлеру. «Только у СССР, — сказал он, — руки остались чистыми» в отношениях с Чехословакией¹.

Многие историки считают это заявление неубедительным. Мы до сих пор живем стереотипами времен «холодной войны», которые мешают открыть широкий доступ к архивным материалам о советской внешней политике. Издано много исследований по английской и французской дипломатии во время мюнхенского кризиса. Мнения в них разнятся — от традиционных обвинений («преступники», которые

продали Чехословакию) до сочувствия и понимания действий так называемых «реалистов», которые осознавали, что их страны (Великобритания и Франция) в 1938 г. не имели ни денег, ни оружия, чтобы воевать. Поэтому «реалисты» мудро выгадывали время на свое перевооружение за счет сдачи Чехословакии. Некоторые историки соглашаются с тем, что у английских и французских политиков не было выбора, кроме переговоров с Гитлером, другие же называют реализмом противостояние гитлеровской агрессии, которое тогда не было выбрано².

Великой державой, вовлеченной в чехословацкий кризис, был Советский Союз, хотя некоторые исследователи зачастую не замечают или недооценивают его роль. Тому есть яркие примеры. Так, итальянский историк и пионер в исследовании советских архивов Сильвио Понс характеризует внешнюю политику СССР в 1938 г. словами: «бдительность» и «пассивность» вместо «вовлеченности». Среди причин называются сталинские «чистки» и сделанный им «стратегический выбор». Советский диктатор И. В. Сталин рассматривал дипломатию через призму марксистско-ленинских догм: война с империалистическими странами неизбежна, и для СССР нет большой разницы, с кем из «капиталистов» вести войну. По мнению Понса, Париж и Лондон «не могут в полной мере нести ответственность за удаление и пассивность

* **Майкл Джабара Карли** — профессор и руководитель Отделения истории Монреальского университета. Он специализируется по отношениям Советского Союза со странами Запада в 1917–1945 гг. и причинам Второй мировой войны. Его труды характеризуются широким использованием архивных материалов США, Великобритании, Франции и СССР. Хорошо известна его книга о причинах войны: «1939: союз, которого никогда не было и начало Второй мировой войны» (Чикаго, 1999 г.). Эта книга была опубликована на французском, русском и итальянском языках.

СССР во все более обострявшихся европейских взаимоотношениях»³. Представляет интерес исследование Зары Штейнер, которое она провела на основе важных материалов некоторых российских архивов. Поддерживая точку зрения Понса на Сталина как на узника идеологизированного взгляда на международные отношения, она, тем не менее, показывает осторожные шаги советской дипломатии⁴.

Другим наиболее часто упоминаемым в данной связи трудом является работа Хью Рэгсдейла, в которой он отвечает критикам политики умиротворения цитатой в февральском номере «Манчестер гардиан» 1939 г., что это был «умный план: продать друзей, чтобы купить врагов». Его книгу отличает внимательное изучение восточноевропейских архивов (особенно румынских), чтобы понять события вокруг Судетского кризиса. Он в большей степени, чем Понс, полагает, что советское руководство хотело поддержать Чехословакию и выдвинуло крупные войсковые соединения на границы с Польшей и Румынией. Более интересно, что он нашел доказательства желания последней сотрудничать в обороне Чехословакии, в то время как Варшава заняла откровенно враждебную позицию. Чтобы достичь Чехословакии, Красная армия была вынуждена пройти по польской и/или румынской территории. Причем вторая согласилась дать разрешение, если Париж решит защищать независимость Праги. Тем самым Рэгсдейл по существу поддерживает мнение Л. А. Безыменского, настаивавшего, что Советский Союз был искренне намерен помочь ЧСР⁵.

Независимость Чехословакии была гарантирована несколькими договорами о взаимопомощи, заключенными между СССР, Францией и Чехословакией в 1935 г. и франко-чехословацкими соглашениями 1924–1925 гг. Взаимоотношения между Парижем и Москвой всегда были враждебными, но назначение Адольфа Гитлера на пост канцлера в январе 1933 г. вынудило обе стороны пересмотреть политику в отношении друг друга. Французские политики Эдуард Эррио, Жозеф Поль-Бонкур и Луи Барту возглавили движение к улучшению взаимоотношений. В Москве аналогичный курс проводил народный комиссар иностранных дел М. М. Литвинов. Он стал главным рупором советской «политики коллективной безопасности», которая фактически означала восстановление Антанты.

С 1932 г. советское руководство пыталось улучшить взаимоотношения не только с Треть-

ей республикой, но также с Соединенными Штатами, Великобританией, Чехословакией, Румынией и даже с традиционно враждебной Польшей. Кремль также пытался наладить отношения с Римом, которые испортились после итальянского вторжения в Абиссинию осенью 1935 года. Несмотря на лозунги пропаганды, советская политика была антинацистской, а не антифашистской. Литвинов был убежден в агрессивных целях гитлеровской внешней политики и предупреждал Сталина и его западных союзников: нацизм — угроза для европейского мира и безопасности. Он часто подтрунивал над немецкими дипломатами, принося им в подарок известную книгу Гитлера «Моя борьба», где описывались расистские планы мирового господства Германии.

В октябре 1934 г. по улучшению франко-советских отношений был нанесен сильный удар: убитого Луи Барту сменил убежденный антикоммунист Пьер Лаваль, который был больше заинтересован в улучшении отношений с нацистской Германией, нежели с Советским Союзом. Обсуждение договора о двусторонней помощи, которое началось с бесед Поль-Банкура и Литвинова осенью 1933 г., при Лавале было спущено на тормозах. Советское правительство и сторонники сближения из числа французов были обеспокоены смертью Барту. Они предупреждали советского посла в Париже В. П. Потемкина, что Лаваль может радикально изменить направление французской внешней политики⁶. В ходе встреч Литвинова и Лавалья, а также постоянных представителей в здании на Кэ Д'Орсэ, которые происходили в начале 1935 г., советский нарком требовал заключения союзного договора. То, что тогда делали французские политики, один из них позднее назвал «бойкотом»⁷. Литвинов фактически озвучивал перед ними предложения Политбюро о взаимной гарантии безопасности прибалтийских республик, уязвимых в случае немецкой агрессии и пункт об оказании многосторонней помощи друг другу, если какая-либо из подписавших договор сторон подвергнется агрессии. Политбюро не хотело проводить этот документ через Лигу Наций, где он мог быть заблокирован даже одним голосом⁸. Лаваль отказался дать ответ на какое-либо из данных предложений: совет министров, как сказал он, зашел уже слишком далеко. Он заявил Литвинову, что был «совершенно равнодушен» к судьбе возможного пакта. Своим же помощникам он сказал, что чувствовал себя

«загнанной собакой» после переговоров с Литвиновым и Потемкиным. Из-за того, что Лаваль отказался поддержать гарантийный договор для Прибалтики, Литвинов отказался дать взаимные обязательства по безопасности Бельгии, Швейцарии и демилитаризованной Рейнской зоны. «Только так можно было склонить Францию к незамедлительному согласию», — позднее объяснял он⁹. Советский Союз предлагал реальные шаги, в отличие от Франции. От первоначального варианта договора почти ничего не осталось, когда Лаваль и французские дипломаты предложили свой вариант, написанный с учетом процедур Лиги Наций, без условия обязательной и автоматической взаимной помощи и без военной составляющей.

Даже после того как Лаваль согласился подписать с Литвиновым такой вариант 17 апреля, Кэ д'Орсэ попыталось смягчить язык документа¹⁰. Потемкин, после консультации с Эррио, выдвинул решительные возражения, и Лаваль, видимо, уже не столь равнодушный судьбе этого договора, немного отступил. В Москве раздраженное Политбюро или, вернее сказать, Сталин были готовы уже заявить, что СССР может обойтись и без соглашения с Францией. Политбюро посоветовало Потемкину не торопиться событиями, поскольку Кремль может не приять французский вариант. «Мы не хотим создать иллюзию, что нуждаемся в договоре больше, чем французы...», — говорилось в телеграмме. Чтобы продемонстрировать свое недовольство, Кремль отозвал Литвинова из Женевы¹¹. По мнению Лавалья, это была небольшая размолвка, однако французский посол в Москве Шарль Алфан справедливо полагал обратное. Отмечая раздражение советского руководства, он предупреждал Кэ д'Орсэ, что Сталин может прекратить переговоры¹². Подписание договора оказалось в подвешенном состоянии. Предшественник Потемкина в Париже В. С. Довгалецкий однажды сказал, что во время переговоров с французами им никогда нельзя доверять, даже если ведется стенограмма¹³. Его слова нашли подтверждение в 1935 г., когда Литвинов вернулся в Москву для встречи членами Политбюро 22 и 23 апреля, чтобы снять их раздражение. Его аргумент был таков: лучше иметь рамочное соглашение о взаимопомощи, чем никакого вообще. Однако во Франции и за ее пределами у договора было очень мало сторонников. В их числе Литвинов мог назвать консервативного политика Жоржа Мандела и еще нескольких человек. Даже Эррио,

ранее поддерживавший улучшение отношений между двумя странами, занял двусмысленную позицию. Против пакта были настроены Англия, Италия, Германия и Польша. В итоге получилось рамочное соглашение, которое, среди прочего, препятствовало возникновению в Европе антисоветского блока и не допускало объединения Франции и Германии. Последнее невольно вызывает иронию, ведь французы использовали аргументацию от противного: оправдывая свое участие, они говорили, что тем самым не дают объединиться Сталину и Гитлеру. «Наша безопасность, — по словам Литвинова, — находится, в первую очередь, исключительно в руках Красной армии. Для нас договор имеет, в основном, политическое значение, уменьшая вероятность войны не только с Японией, но также с Польшей и Японией». Поэтому 2 мая 1935 Потемкин подписал договор вместе с Лавалем. Позднее он не раз говорил: «Нам нужно было хоть что-то подписать»¹⁴.

На следующий день, 3 мая, узнав о подписании франко-советского договора, министр иностранных дел (а вскоре — президент) Чехословакии Эдуард Бенеш позвонил советскому дипломатическому представителю в Праге С. С. Александровскому, чтобы обсудить некоторые вопросы в связи с заключением франко-советского и возможностью заключения чехословацкого соглашения¹⁵.

Бенеш попросил включить в будущий документ два пункта: 1) Чехословакия не обязана помогать СССР в случае возникновения советско-польской войны, и 2) договор действует в рамках Локарнских соглашений 1925 г. Литвинов снова посоветовал Сталину согласиться, ведь французы приняли эти пункты, и было бы трудно избежать их выполнения. По словам дипломата, он уже информировал Бенеша, что эти два пакта не идентичны, ибо Чехословакия не подписывала соглашения в Локарно. В ответ он услышал: «Советский Союз может оказать помощь только в случае, если подобную помощь также предоставит Франция». Советский Союз не имел общей границы с Германией, и в случае войны Чехословакия могла быстро проиграть, пока Франция начнет борьбу с Германией. Несколько позднее Бенеш говорил своим французским коллегам, что им руководило желание не брать большие, чем у Парижа, обязательства в отношении Москвы. Наличие ссылки на Локарно способствовало дальнейшему ограничению чешских обязательств. Как и Лаваль, Бенеш хотел,

чтобы договор был бы направлен только против Германии, но не Польши. По словам Литвинова, это представляло опасность, ибо Чехословакия в случае польской агрессии могла обнаружить, что у нее нет союзников и поэтому будет «раздавлена». Чехословацкий дипломат согласился, что наблюдение Литвинова ценно и обещал над ним подумать, но глава советской дипломатии сомневался, что чехословацкое правительство изменит свою позицию. Как Литвинов сказал Потемкину, чехословаки хотели те же «узкие условия», как и французы, и это обстоятельство «заставляет нас быть осторожными»¹⁶.

4 мая Политбюро приняло текст договора, но с оговоркой: СССР окажет помощь жертве агрессии только при условии, что аналогичную помощь окажет Франция¹⁷. Последняя не стремилась к заключению договора, чехословаки не желали заключать договор без Франции, а СССР — без условия предварительной французской помощи Праге. Таким образом, роль Парижа была решающей. Если он не оказывал помощи, Прага оставалась один-на-один с агрессором. Таким образом, оба договора 1935 г. были основой будущего Мюнхенского кризиса 1938 года.

16 мая, после того как Лаваль в Москве встретился со Сталиным, Литвиновым и другими членами Политбюро, Бенеш подписал чехословацко-советское соглашение. Всем, кто помнил его нежелание подписывать договор, было удивительно предложение главы французского МИДа начать консультации начальников штабов, необходимые для оказания двусторонней помощи Чехословакии в случае немецкой агрессии. Поскольку СССР не имел общей границы с Германией, вставала также проблема прохода Красной армии по территории Польши и Румынии. Поляки ни при каких условиях не допускали советские войска на свою территорию советские войска, храня память о прежних обидах. Напротив, румыны были открыты для сотрудничества. Румынский министр иностранных дел Николае Титулеску поддерживал хорошие отношения со своим советским коллегой и был сторонником советско-французского договора о взаимопомощи. Когда подписание последнего зашло в тупик, он использовал свое влияние, чтобы сдвинуть дело с мертвой точки. Титулеску говорил Литвинову, что если бы советско-французский договор о взаимопомощи не был бы подписан, Гитлер одержал бы полную победу, и влияние Германии не имело бы границ. Провал советско-

французских переговоров неизбежно вызвал бы тяготение Дунайских правительств к Берлину¹⁸.

Титулеску зашел настолько далеко, что сказал: «Малые страны должны определиться, в каком они лагере: вместе с фашистами или в «коллективной безопасности». Он, как оказалось, симпатизировал последнему и обсуждал договор о взаимной безопасности с Литвиновым и даже советовал румынскому королю Каролю согласиться на его подписание. Но у него была своя задача: сохранить за Румынией Бессарабию, которая была отнята у слабой тогда Советской России в 1918 году. В случае военного сотрудничества и продвижения советских войск через Бессарабию Красная армия покинет ее по первому же требованию Бухареста, и этот факт, как заверил его Литвинов, де-факто будет признанием суверенитета над данной территорией. Однако румынский дипломат потребовал вначале юридически оформить права Румынии на Бессарабию, а затем рассматривать вопрос о прохождении советских войск для помощи Чехословакии. Тем самым возможный советско-румынский договор, как и пакт с Чехословакией, не рассматривал Польшу в качестве потенциального агрессора¹⁹.

Как французы и чехословаки, так и Титулеску обещал лишь частично выполнить требования советской стороны и требовал от нее полного исполнения своих. Как он сказал: «Наше географическое положение относительно Советов требует серьезно расценивать события как в России, так и в Германии. Вне зависимости от того, сколь долго продлится обмен мнениями между руководством Советского Союза и нашими дипломатами, наше положение требует, чтобы мы ни принимали и не отклоняли идею соглашения о взаимопомощи с Советами». Титулеску также посетовал Литвинову на то, что поляки давят на него. Варшава решила, что румыно-советское военное соглашение идет вразрез с румыно-польским договором от 1920 г., который был направлен против Москвы²⁰. Поэтому у самого Титулеску были проблемы. По его словам, Польша и Лаваль не меньше короля Кароля желали «сломать его шею». Когда советско-румынские дискуссии о возможности прохождения Красной армии могли стать достоянием гласности, Литвинов согласился с предложением Титулеску дать опровержение, чтобы успокоить «болтовню» в румынской прессе. Более того, правые политики были очень влиятельны, и Титулеску (по замечанию Алфана, которое он высказал

советским представителям) был единственным, кто мог не допустить сдвига во внешней политике Румынии²¹.

В то же время Лаваль предложил как можно быстрее ратифицировать договор о взаимопомощи, но не ранее, чем он вернется в Париж, где (как полагал Литвинов) Титулеску сможет помочь прояснить, что хотят на Кэ д'Орсэ²². Таким образом, у Сталина и его окружения были дополнительные (помимо марксистско-ленинских идей о неизбежности войны между капитализмом и социализмом) причины сомневаться в своих предполагаемых «союзниках».

Своеобразное резюме французского отношения к СССР было дано в форме политической карикатуры на страницах одной норвежской газеты. На ней изображен дородный большевик в буденовке времени Гражданской войны в России, схватил белокурую невинную Марианну, увлекая ее вместе с пажом в свадебную карету. «Вы довольны?» — спрашивает большевик. — «Да, — отвечает Марианна, — и я была бы более счастлива, если бы не ненавидела вас»²³.

Реакция Лондона на подобный «брак» также была далекой от оптимизма. Помощник британского министра иностранных дел Орм Гартон Сарджент полагал, что «в данном договоре о взаимопомощи именно Россия получила выгоды, а Франция взяла на себя практические обязательства. Раз так, то мы должны снять шляпы перед М. Литвиновым за его очень мудрую и успешную дипломатию, где он блефом и запугиваниями довел французов до паники и заключил выгодную только для себя сделку»²⁴. Действительно, договор был выгоден только для одной стороны, но отнюдь не в той мере, как представлял себе Сарджент. Литвинов был «в ярости» на Лаваль за то, что тот ослабил текст соглашения и отправил «сердечные поздравления» с подписанием документа лишь для того, чтобы избежать обострения ситуации. Официальные лица с Кэ д'Орсэ полагали, что только временное соглашение может оставить для них открытой дорогу в Берлин. Французский Генштаб возражал против углубления сотрудничества: Париж заключил много союзных договоров с другими странами, и «не было особых причин» заключать еще один с Советским Союзом! Весьма интересное заявление для страны, которая остро нуждалась в мощных союзниках. Но Генеральный штаб не хотел дать Германии повод для ввода войск в демилитаризованную Рейнскую зону или Польшу,

поддерживая гитлеровский тезис о «русской опасности»²⁵.

Беспокойство Сарджента, таким образом, не имело причин, хотя не все в Форин Офис разделяли его мнение. Советник министра иностранных дел Роберт Ванситарт полагал иначе. Но даже он отмечал, что Литвинов был «помешан» на немецкой угрозе, которая порой была направлена лично против Ванситарта²⁶. Более того, британское правительство по настоянию Ванситарта в марте 1935 г. отправило в Москву лорда — хранителя печати Антони Идена. Его переговоры со Сталиным, Литвиновым и другими советскими руководителями, проходившие в атмосфере взаимного желания улучшить отношения, были успешны. Однако на пути реализации советской идеи союза против нацистской Германии были проблемы. Польша, накопившая столетия претензий к своему восточному соседу, выражала неудовлетворенность итогами советско-польской войны 1919–1920 годов. В то же время и отношения между Варшавой и Прагой были весьма напряженными из-за того, что последняя не оказала ей помощи летом 1920 года.

Польша играла важнейшую роль во французской концепции «санитарного кордона». Ей надлежало остановить большевизм и сменить Россию в роли противовеса Германии. Неожиданным ударом для франко-польских отношений стало подписание Польшей и нацистской Германией пакта о ненападении в январе 1934 г. Луи Барту, занимавший тогда пост министра иностранных дел, оценивал польско-немецкий пакт в мрачных тонах и, если потребуется, даже был готов расторгнуть отношения с Польшей во имя сближения с СССР²⁷. Однако этого, из-за позиции Лавалья или французского Генерального штаба, не произошло.

Со своей стороны Литвинов пытался улучшить отношения с Францией и Польшей. С этой целью в середине февраля 1934 г. он встретился с польским министром иностранных дел Йозефом Беком, чтобы объяснить собеседнику позицию Москвы, как это часто бывало в 1930-х годах. Литвинов считал, что гитлеровская Германия является угрозой европейской безопасности, которая в конечном итоге обернется против Речи Посполитой. Лучше верить тому, что написано в «Майн капф», чем успокаивающим речам Гитлера, призванным обезоружить его противников. «Не ошибитесь, — говорил Литвинов, — Гитлер склонен к войне и территориальной экспансии, и Польша обязательно

станет его целью. Немецко-польский пакт — это тактический маневр, чтобы дать Гитлеру время для реализации среднесрочных задач». Бек отвечал с обычной самоуверенностью, которая так раздражала Литвинова: Польшей руководит не «слабое сезонное правительство»; его стране ничего не угрожает; в среднесрочной перспективе нет угрозы войны в Европе. Аналогичный разговор был у Литвинова с польским послом в Москве Юлиусом Лукашевичем, который заявил, что не может понять причин беспокойства Советского Союза в отношении нацистской Германии. В ответ советский нарком напомнил об уязвимости страны: «Каждый раз, когда Польша делает шаг вперед, она вынуждена поспешно отступить». Встречи между двумя дипломатами были особо напряженными в июне 1935 г., когда обсуждался вопрос о советско-чехословацком соглашении о взаимопомощи. Лукашевич спрашивал о намерениях сторон, ибо вследствие «географических обстоятельств» СССР не имел общей границы, ни ЧСР, ни с третьим рейхом, вследствие чего договор «повисал в воздухе». «География, — говорил ему Литвинов, — хорошо известна обеим подписавшим документ сторонам, и, тем не менее, они считают договор удовлетворяющим их интересам»²⁸.

Польский посланник был не так уж не прав, называя советско-чехословацкий договор «подвешенным в воздухе». То же выражение использовал Бенеш, но по другой причине: правительства СССР и Чехословакии ратифицировали соглашение, но выполнить его было можно только при участии Франции, которая его не утвердила. Поэтому Бенеш согласился, что давление на Лавалю, если оно и было, оказалось безрезультатным²⁹. Чехословакия начинала расплачиваться за былую одностороннюю ориентацию на Францию.

Почему же такой опытный политик, как Сталин, согласился принять весьма сомнительный договор с Чехословакией? Литвинов убедил его, что это был необходимый первый шаг для защиты Европы от нацистской Германии. Он говорил Сталину то же, что и зарубежным дипломатам: Гитлер продолжает сопротивляться любым попыткам организации коллективной безопасности потому, что главная цель его политики, в соответствии с «Майн кампф», — концентрация силы и подготовка к агрессии на юго-восточном, а затем — восточном направлениях. При подобных условиях нет причин верить гитлеровским обещаниям о разоружении. «Мы

поэтому требуем... чтобы в переговорах с Германией было сделано все возможное, чтобы не дать Гитлеру повод интерпретировать любое соглашение как подтверждение его идеи разделения Европы на части, каждая из которых не может гарантировать мира, что побуждает одну часть к агрессии против другой»³⁰.

Другими словами, мир был «неделимым»: если он нарушался в одной части Европы, следовало его нарушить и в другой. Отсюда возникала еще одна проблема: безопасность Чехословакии, ибо французский и британский кабинеты не были готовы принять этот принцип. Например, Сарджент возмущался (как он их называл) попытками Литвинова сузить британские полномочия. По наблюдению помощника британского заместителя министра иностранных дел: «Настоящий оппонент, с которым нам приходится иметь дело, — это Литвинов, который будет сильно бороться за сохранение принципа одновременности во всей его полноте...»³¹. В британском Форин Офис и на набережной Кэ д'Орсэ было сильно желание сотрудничать с нацистской Германией и не мешать ее экспансии на Восток.

Именно Англия первой начала сближение с Гитлером, подписав 18 июня 1935 г. морское соглашение, которое застало врасплох и Париж, и Москву. «Великобритания упустила очевидное преимущество, — отозвался на это событие острый на язык И. М. Майский, — как жадный мальчишка, который украл со стола кусок пирога. В результате, у него наверняка будет изжога»³². По замечанию Литвинова, Англия сыграла на руку Гитлеру. Французы говорили о предательстве. Каждый из них — в отношении своей страны к англо-немецким письмам — говорил правду. Это был еще один шаг, противный безопасности Чехословакии.

Между тем, Лаваль отправил соглашение о взаимопомощи в Национальную Ассамблею, где оно пролежало несколько месяцев без представления от имени правительства. По мнению Потемкина, проволок были вызваны некими подспудными мыслями Лавалю и боязнью протеста со стороны Германии³³. Литвинов заметил, что французский премьер мог использовать ратификацию договора как «kozyрь в переговорах с Германией», а его нетерпеливость была показной. Когда французский посол Алфан встретился с Литвиновым, чтобы пожаловаться на недостаточное активное развитие культурных связей, намекая на дело «Камеди франсез», советский

нарком заявил, что был бы рад способствовать разрешению этой проблемы после ратификации пакта о взаимопомощи. Он сказал, что не хочет превращать в комедию фiasco-советские отношения. Несколькими неделями позднее в Женеве он же выразил свое недовольство Лавалю, который зачитал документы о деятельности коммунистов во французских колониях. Таким образом французский лидер хотел отвести внимание советской стороны от европейской политики. Литвинову вся ситуация напомнила переговоры с неуживчивым британским министром иностранных дел Керзоном в начале 1920-х. «Я надеялся, — писал Литвинов, — что уже прошли те времена, когда Керзон и ему подобные могли утверждать, что если бы советского правительства не существовало, в Индии и других колониях не было бы недовольства и антиправительственных выступлений»³⁴.

Даже некоторые чиновники Форин Офис признавали, что критика из уст советской «пропаганды» была верным знаком надвигающейся беды. «Придавая слишком много внимания статьям, манифестам, декларациям, пророчествам и прочему, исходящему от Москвы, — признавался один клерк, — мы рискуем выглядеть также нелепо, как и ответственные за эту пропаганду»³⁵. Советская «пропаганда» была проблемой не только для Лавалю, но и для Литвинова. Ее корни лежат в Коммунистическом Интернационале, который был создан в 1919 г. для распространения мировой революции и защиты Советской России от иностранной интервенции. После ее завершения и окончания гражданской войны в 1921 г. Коминтерн постепенно терял *raison d'être* как единственный инструмент советской внешней политики. Термин «пропаганда», использовавшийся европейскими политиками, мог означать что угодно: агитацию во французских или британских колониях или Китае, статьи советских газет и даже плакаты на митингах 7 Ноября. Пропагандой называлась также и публичная риторика советских лидеров по вопросам внутренней политики. Однако существовал другой, секретный язык, который использовался внутри Народного комиссариата иностранных дел, основанный на терминах реальной политики, военных и экономических расчетов. Таким образом, общепотребимый язык советской власти, обрамленный формулами из марксизма-ленинизма противоречил «секретному языку» НКВД. Даже Литвинов, как того и следовало ожидать, на публике говорил

«по-большевицки», а в узком кругу — на «языке реальполитик». В течение 1920-х годов он часто критиковал агентов Коминтерна и советских «ораторов» за вмешательство в вопросы внешней политики и неподобающие (для публичной дискуссии) комментарии, которые наносят ущерб интересам СССР за рубежом. В 1935 г. он выступил с предупреждением о тональности радиовещания на иностранные государства, которое могло легко перейти от «информирования» к пропаганде. Тем самым он призывал держать партийных бойцов на коротком поводке. Иностранные дипломаты порой констатировали презрение наркома к Коминтерну. Перефразируя известную советскую эпиграмму, он однажды заявил, что десять коммунистов-иностранцев не стоят даже одного советского трактора. Даже Сталин отмечал равнодушие главы своей дипломатии к «революционным» доводам³⁶.

В середине 1930-х годов Коминтерн боролся за «коллективную безопасность» и поддерживал левоцентристские политические коалиции (Народные фронты) во Франции и Испании. Однако вместо улучшения отношений СССР с западными державами, произошло обратное. Лаваль отмечал, что вхождение в Народный фронт — это признание коммунистов *де-юре*³⁷. По его мнению, подобные коалиции превратили последних в грозных политических соперников, имевших некоторые успехи на выборах, что усилило нападки на советскую «пропаганду», не причастную к успехам СФИО. Атаки на советский агитпроп усилились после того, как западные дипломаты попросили Сталина прекратить революционные призывы — то, чего он не мог сделать.

К осени 1935 года «антисоветская роль Лавалю, — как говорил Литвинов, — становилась все более и более очевидной». Ратификация многостороннего договора о взаимопомощи, несмотря на соответствующее заявление Лавалю, сделанное Титулеску, уже в ноябре было под сомнением из-за развязанной против того кампании в правоконсервативной прессе. Несколько позднее советский нарком узнал, как в беседе с югославским премьер-министром его французский коллега назвал договор «мертвым». «Он не скрывает ни от нас, ни от других, — заметил Литвинов, — что призывает немцев гарантировать безопасность Чехословакии. Подобная гарантия означает, что Германия получает карт-бланш для действий на востоке»³⁸. В действительности Лаваль не хотел привлечь немцев и поручил

послу в Берлине Андре Франсуа-Понсе договориться о встрече с Гитлером. Литвинов сказал французскому послу в Москве, Шарлю Алфану, что из этого вряд ли что выйдет, кроме подмоченной репутации премьер-министра. Алфан ответил, что, к сожалению, франко-советские отношения находятся в зависимости от внутренних проблем Третьей республики. Сообщения о деятельности советской пропаганды во французских колониях стали достоянием гласности в связи с недавними выборами в Сенат. По мнению правых партий, правительственная коалиция с коммунистами не сможет удержать власть, не эксплуатируя страх перед беспорядками, намекая на Народный фронт, созданный для выборов 1936 года³⁹. Советник британского министра иностранных дел Ванситарт заявил послу СССР в Великобритании Майскому, что «флирт Лавалья с Германией» пойдет в никуда; посол Франции в Берлине Франсуа-Понсе также критиковал Лавалья за то, что он отдаляет от Франции потенциальных союзников⁴⁰.

Напротив, слова французского премьер-министра в разговоре с Потемкиным шли вразрез с другими источниками Москвы. Глава правительства проинформировал посла о беседах Франсуа-Понсе с Гитлером. Если верить Лавалю, и Франция, и Германия желали улучшить отношения, но, к сожалению, на этом пути стоял франко-советский пакт. Это звучало как «попытка подготовить нас к отказу от договора...». Советский посол в Париже В. П. Потемкин полагал, что Лаваль в данном случае опустился до шантажа: либо Москва прекратит поддерживать развязанную Народным фронтом кампанию против него (премьер-министр полагал, что для этого Сталину надо сказать лишь одно слово), либо договор не будет ратифицирован. Читатель, который сомневается в истинности слов Потемкина, может сравнить его мнение с тем, что говорили Лаваль и Франсуа-Понсе своим немецким собеседникам. «Как вы думаете, когда нам обмануть большевиков: сегодня или завтра?» — шутил Лаваль с немецким послом в Париже⁴¹. Не были ли эти слова прологом к плану «Гельб»? Неизвестно. Но, как бы то ни было, Литвинов сделал правильный вывод: «Лаваль уже показал, как легко можно превратить даже договор о взаимопомощи в мусорную бумагу». Как ранее заявил советский нарком французскому журналисту, «Сталин... был разочарован моральной слабостью французской политики»⁴². Французы могли возразить, что он не имел права

читать им нотацию о «моральности» в политике, но он, как и многие другие, лишь отразил свое ощущение слабости и ненадежности Франции как союзника. Это подозрение основывалось не на идеологических предпочтениях советского лидера, а на опыте отношений с Третьей республикой.

Тем не менее, несмотря на то, что Москву один за другим покидали все ее партнеры, советское руководство не отказывалось от антигерманского союза. Литвинов попытался улучшить отношения с Соединенными Штатами. В ноябре 1933 г. он прибыл в Вашингтон, чтобы рассеять старые обиды и очертить перспективы будущего сотрудничества, заключив «джентльменское соглашение» с новым президентом Франклином Рузвельтом. Но Государственный департамент воспринял данное соглашение как нежеланного ребенка, который вскоре умер⁴³. Литвинов даже пытался включить в коалицию Италию, но имперские амбиции Бенито Муссолини относительно Абиссинии смешали все карты. В планах Литвинова по формированию и активизации антигерманского сопротивления фигурировала также Лига Наций⁴⁴. Поэтому секретные переговоры французского премьера и британским министром иностранных дел об уступке Муссолини большей части Абиссинии в декабре 1935 г. вызвало гнев советского наркома: Лаваль «показал себя врагом всей системы коллективной безопасности, включая Лигу Наций... если он еще продержится у власти, от предыдущего внешнеполитического курса Франции ничего не останется»⁴⁵.

Январь 1936 года принес Литвинову хорошую новость: Лаваль был вынужден уйти в отставку после того, как в прессу просочились сведения о переговорах касательно северной Эфиопии. По иронии судьбы, в этих переговорах мог принять участие и Литвинов, если бы они не ослабляли Лигу или коалицию, которую тот пытался создать. Отсутствие Лавалья, как полагал Литвинов, поможет улучшить франко-советские отношения, ведь Национальная ассамблея, несмотря на сильные критические замечания из Палаты депутатов и Сената, все же ратифицировала договор с СССР в феврале–марте 1936 года.

Дискуссия была ожесточенной, и Литвинов полагал, что советская пресса должна показать угрозу для Франции, процитировав «Майн кампф», где та названа «традиционным врагом Германии», и гитлеровская Германия будет мстить всем своим соседям: и Франции, и,

особенно, Чехословакии. Литвинов также пытался получить от Сталина согласие на то, чтобы предупредить французского премьер-министра о неудовлетворенности Советского Союза «необоснованными нападениями» со стороны Палаты депутатов, и в то же время просил руководство Коминтерна увеличить финансирование французской социалистической прессы. Однако Москва не собиралась тратить деньги понапрасну. Пытаясь «пробудить» французов, нарком опасался, что Гитлер, если узнает о советских корнях левых французских изданий, непременно воспользуется этой возможностью против СССР⁴⁶.

Поэтому отставка Лавала пришлось к стати. Антигерманский союз, который пытался создать Советский Союз, никого не интересовал. Великобритания вскоре удалась от этой идеи. В декабре 1935 г. британским министром иностранных дел стал Энтони Иден. В Москве это считали хорошей новостью, поскольку Литвинов считал его сторонником улучшения отношений с Москвой. Как оказалось, Иден не был другом СССР. В феврале 1936 г. он остановил улучшение англо-советских отношений. Московская пресса, как оказалось в будущем, необдуманно, опубликовала статью об условиях жизни британских рабочих. Иден был в ярости: «Эта статья обвиняет меня в том, что я избегаю Майского и правительства, которое он представляет. Мы хотели бы иметь более хорошие отношения, но любое улучшение с правительством, которое так поступает, совершенно неприемлемо»⁴⁷. В статье говорилось о сильных антикоммунистических настроениях британской элиты и слабости англо-советского сближения. Эти слова, наверное, имели под собой почву, если какая-то легкомысленная публикация в советской газете, написанная на русском языке, имела такой эффект на Идена, который встречался со Сталиным всего 11 месяцев назад.

В Москве поначалу не замечали перемен в английской дипломатии, но вскоре советскому правительству пришлось столкнуться с другими проблемами. 7 марта Гитлер приказал войскам войти в Рейнланд, на что Париж и Лондон отреагировали только выражением протеста. Помнил кто-либо на Кэ д'Орсэ о предложенных Литвиновым ранее гарантиях безопасности демилитаризованной Рейнской зоны? Мандел, который стал регулярным информатором советского посольства, говорил, что на грядущих выборах в парламент никто из кандидатов не сможет занять твердую позицию в отношении Герма-

нии. Эррио полагал, что коммунисты и социалисты, возможно, могут завоевать места, равно как и правые. Он говорил, что его соперник из Радикальной партии Эдуард Даладье может сформировать кабинет. Он предупреждал и Потемкина, что Даладье в глубине души не любит коммунистов и разделяет «германофильство» Лавала. Для Эррио прогерманская ориентация не имела смысла: европейскую безопасность можно гарантировать только союзом Парижа, Москвы и Лондона. Без него невозможно обеспечить мир. Проблемой, по мнению Литвинова, была «вялость» Эррио, который не мог вести жесткую линию в отношении правых. Когда Народный фронт, как и говорил Эррио, все же выиграл весенние выборы, Литвинов обеспокоился, как бы успехи левых (особенно, Французской коммунистической партии) не спровоцировали движение к фашизму⁴⁸. Ничто не предвещало провал коллективной безопасности и падение Чехословакии.

Худшее было впереди. 17 июля против правительства испанского Народного фронта поднялся вооруженный мятеж, который вскоре возглавил генерал Франсиско Франко. Так началась кровавая гражданская война, которая продлилась до марта 1939 г. Это была борьба идеологий: правые против левых, фашисты против коммунистов. Британский кабинет, обеспокоенный французским Народным фронтом, был взволнован распространением коммунизма в Испании, а затем — во Франции. Новоизбранное правительство под руководством Леона Блюма могло пойти на помощь испанским «республиканцам», что и было его первым побуждением. Но Блюм опасался, что и во Франции разразится гражданская война. Поэтому Великобритания и Франция перешли к политике «невмешательства», в то время как фашистская Италия и нацистская Германия активно вмешались и поддержали Франко.

Единственным вопросом была позиция Советского Союза. Как и победу Народного фронта во Франции, Литвинов рассматривал гражданскую войну в Испании как угрозу «коллективной безопасности». Так растаяла его смутная надежда на потенциальный союз с Италией, который мог угрожать отношениям с Францией и Англией. Литвинов пытался проводить осторожный курс, принимая англо-французскую политику невмешательства и соглашаясь войти в состав комитета невмешательства, чтобы воспрепятствовать проникновению в Испанию иностранных оружия и солдат, которые подо-

греют конфликт. Конечно, как вскоре признался сам Литвинов, невмешательство было фарсом, поскольку Германия и Италия согласились поддержать «националистов».

Политика невмешательства привела Сталина в ярость, и он приказал направить в Испанию оружие, амуницию и военных советников, чтобы помочь Мадриду победить «фашистских мятежников». Эта помощь вызвала недовольство в Париже и Лондоне, которые не хотели распространения большевистской революции на Испанию. Генеральный секретарь французского МИД Алексис Легер угрожал советскому поверенному в делах расторжением недавно ратифицированного договора о взаимопомощи, если Москва будет продолжать активно вмешиваться в события в Иберии. Неизвестно, был это блеф или нет, но Литвинов был обеспокоен развитием событий и в сентябре добился санкции Сталина на проведение нескольких демаршей с целью укрепить коллективную безопасность. Осенью он также попытался придать советской политике на Пиренеях менее агрессивный характер. Но эта попытка встретила отпор и в Москве, и (от Майского) в Лондоне. На шести встречах со Сталиным в конце октября и в начале ноября Литвинов пытался убедить Генерального секретаря в том, что советское оружие создало в Испании неустойчивое равновесие, которое могли легко нарушить Германия и Италия, находившиеся в более оптимальных условиях. Дальнейшее вмешательство и попытка закрепить баланс сил может только спровоцировать контрмеры с противной стороны. Советский Союз не может этого допустить. Не имея средиземноморского флота и вдали от сухопутных границ Испании, Москва «не может изменить ситуацию», пока Англия и Франция не сменят свой внешнеполитический курс⁴⁹. Гражданская война в Испании не была напрямую связана с границами Чехословакии. Однако, если бы франко-советские отношения и далее ухудшались из-за вмешательства последней в дела на Пиренеях, последствия для Праги были бы катастрофическими.

В первые месяцы разразившейся в Испании войны пришла еще одна плохая новость, которая осталась почти незамеченной. Из-за политических интриг и критики за просоветскую политику в конце августа 1936 г. ушел в отставку румынский министр иностранных дел Титулеску. В начале года он продолжал обсуждать советско-румынский договор о взаимопомощи с послом СССР в Бухаресте М. С. Островским,

но он не смог прийти к соглашению, что делать, если Великобритания и Франция не поддержат договор о коллективной безопасности. Падение Титулеску было еще одним ударом по политике Литвинова и безопасности Чехословакии, вызвав новые опасения в Москве⁵⁰.

Обеспокоенность проявляли и французы. В сентябре министр иностранных дел Третьей республики Ивон Дельбос встретился с преемником Титулеску Виктором Антонеску в Женеве, чтобы получить представление о будущих направлениях румынской дипломатии. По словам Дельбоса, у него сложилось впечатление, что Литвинов согласен де-юре признать суверенитет Румынии над Бессарабией в обмен на договор, который предоставит Красной армии возможность прохода по румынской территории в случае немецкой агрессии против Чехословакии. Антонеску ответил уклончиво: вопрос был «очень деликатным» и должен решаться королем и премьер-министром. Поль-Бонкур, который присутствовал на встрече, упрекнул своего коллегу: «Румыния хочет получить все, но не хочет ничего отдать взамен». Дельбос объяснил, что он убедил Литвинова смягчить позицию по Бессарабии, но только в обмен на указанное соглашение о праве прохода, иначе невозможно будет исполнить договор о взаимопомощи с Чехословакией. Как объяснил ему Антонеску, Румыния не пойдет на соглашение, если «заранее не будет иметь эффективную [французскую] поддержку». Что же до отношений с Советским Союзом, «общественное мнение стало более и более антикоммунистическим и враждебным к союзу с Советами». Свою обеспокоенность ростом антисоветских настроений в Румынии выразил своему французскому коллеге также советский посол Островский. Гражданская война в Испании и французский Народный фронт, как заявлял румынский посланник в Москве, даже в Бухаресте вызвали опасения касательно распространения коммунизма. Улучшение отношений с Советским Союзом всегда вызывало огонь критики со стороны румынских правых, которые (вместе с фашистскими движениями) набирали мощь⁵¹. Литвинов попытался развеять эти опасения, убедив Генерального секретаря МИД Франции Легера и других чиновников с Кэ д'Орсэ и в Лондоне, что Советский Союз не заинтересован в распространении большевизма в Испании, где фактически велась борьба против радикализма. В ноябре с французскими дипломатами встречался Потемкин, чтобы обсудить

переговоры между генеральными штабами. Он поделился с французским политическим деятелем Дельбосом информацией от советского военного атташе в Берлине о слабости французской обороны у Страсбурга. По его наблюдению Чехословакия и Франция были уязвимы при нападении немцев, и «Франция ни в коем случае не может чувствовать себя в безопасности». Когда Дельбос ответил, что он передаст далее информацию об уязвимых местах французской обороны, Потемкин сказал, что следует подумать не только об обороне, но также о «более активном плане» противодействия потенциальному нападению Германии на Чехословакию. Как сказал советский посол, Германия готовилась к войне и пыталась устрашить французских союзников, чтобы деморализовать и разбить их по одиночке. Об этом же говорил Титулеску. Дипломат указал на очевидное: отсутствие общей франко-советской границы и необходимость переговоров начальников штабов обеих стран, чтобы разрешить «серьезные технические проблемы» военного взаимодействия двух стран⁵².

Действительно, существовали «серьезные технические проблемы», но куда более серьезными были противоречия в политике. Они возрасали в силу продолжающегося сопротивления внутри правительства и генштаба. Блюм, как и министр авиации, выступали за продолжение переговоров, но Даладьё, начальник Генерального штаба генерал Морис Гамелен и другие были против. Более того, политическая атмосфера во Франции была очень едкой, спровоцированной опасениями войны и революции, исходивших от правых партий, и были усилены поддержкой испанского республиканского правительства французскими коммунистами.

Проблема заключалась не только в Даладьё и Гамелене. Литвинов предупреждал Потемкина не слишком торопить переговоры штабов. «Авторитетные товарищи, — говорил он, имея в виду Сталина и его ближайшее окружение, — также заинтересованы в том, чтобы приостановить прямые переговоры и не приступать к ним, пока не последует инициатива с французской стороны... Мы имеем абсолютно достоверную информацию, что высшее французское командование полностью против франко-советского соглашения, о чем открыто говорит»⁵³. Говоря о ярых критиках, Литвинов имел в виду генерала Анри Жиро, но вместе с ним можно было бы упомянуть генералов Гамелена, Жеродье, Жоржеса, Дебени, Швейсгута и прочих. Они опасались

коммунистической пропаганды в армии, всеобщих забастовок, мятежей, городских восстаний и других ужасов. Литвинов был лаконичен и, вероятно, уже прочел перехваченное сообщение британского военного атташе в Париже Фредерика Бомон-Несбитта, в котором говорилось об открытой критике франко-советского соглашения генералом Жиро⁵⁴.

Во французском правительстве, несмотря ни на что, предпринимались попытки продвигаться вперед. В декабре 1936 г. Блюм информировал Потемкина, что состоялась очередная встреча Гамелена и министров, чтобы обсудить «необходимые меры в связи с приближающимся вооруженным конфликтом». «Наиболее угрожающим в Европе было положение Чехословакии, — сказал Блюм. — Было решено, что мы должны, не теряя времени, разработать конкретный план обороны». Франция должна мобилизовать силы и отправить помощь, чтобы усилить чешскую ПВО. В этой связи было важным знать, будет ли Советский Союз в полной мере исполнять свои обязательства по отношению к Чехословакии. Ключевым здесь, заключили политики, является координация военных действий трех стран. Это хорошо звучало, но продвинулись ли переговоры военных? «В отношении Даладьё, — сообщал Потемкин, — сам Блюм говорил мне, что этот человек глубоко враждебен нам, и нам не надо принимать его в расчет»⁵⁵.

Осторожность стала главным правилом в Москве, хотя в начале 1937 года состоялись консультации между советским военным атташе в Париже и руководством французского Генерального штаба. Даладьё и его подчиненные придерживались тактики проволочек, стараясь при этом не оскорблять Москву⁵⁶. Блюм и министр авиации Кот продолжали искать возможность, чтобы преодолеть сопротивление, но в мае они столкнулись с сопротивлением из Лондона, где Иден встал между Дельбосом и Лергером, чтобы заблокировать переговоры. Французы защищали себя, называя свою политику «половиной пути домой»: не обидеть Советский Союз и подготовить улучшение его отношений с Германией. Иден был настроен более критически: «Для многих из тех, кто не желал и опасался советского влияния в Европе, углубление франко-русского взаимодействия воспринималось как серьезное ограничение свободы действий французского правительства в европейских делах». Комментарий Идена выглядит интересно, если учесть, что англичане сами пытались сузить

«свободу действий» Франции, о чем им уже говорил Потемкин. Иден также желал не разрывать отношений с Берлином и хотел заключить новое соглашение, «Западное Локарно» — как раз то, чего опасался Литвинов. В заключение, когда дело коснулось обороны Чехословакии — «важнейшей французской цели», — Дельбос заявил: «Мы не оставим Чехословакию. Мы не можем сделать этого, если только не исчезнем из Европы как первая по мощи европейская держава». Это пророчество оказалось верным, но вмешательство Идена не прошло безрезультатно: французский посол в Лондоне в мае отправил телеграмму в Кэ д'Орсе, в которой советовал: «Французскому правительству следует сократить все возможные формы взаимодействия в рамках франко-советского договора...»⁵⁷.

Британское вмешательство во франко-советские отношения было еще одним ударом по безопасности Чехословакии, но Сталин оценил его по-своему. В июне он обратил свое внимание на высшее командование вооруженных сил, где после судебных процессов был казнен ряд высших офицеров. В Британии и Франции, которых нисколько не озаботило исчезновение большинства «старых большевиков» годом ранее, на казни военачальников смотрели с беспокойством. Однако официальная реакция была ироничной, поскольку обе страны и до чисток не желали тесно сотрудничать с Красной Армией. Теперь же появился хороший повод, чтобы отменить переговоры генеральных штабов. Анализируя уроки прошлого, личный секретарь Легера, Этьен де Круа-Шанель в отношении договора о взаимопомощи говорил: «И до казней советских генералов... у французского правительства никогда не было желания ограничить свою дипломатию даже в самой малой степени... Единственный положительный для Франции момент договора заключается в том, что Красная армия „предпримет наступление от своих границ, чтобы помочь Чехословакии в случае нападения Германии“»⁵⁸. Эти слова выглядят насмешкой над французской армией (не говоря уже об английской), которые не имели боеспособных (по европейским меркам) подразделений и не имели планов «наступления от своих границ», чтобы помочь чехам или Советскому Союзу. Круа заявлял о слабости вооруженных сил Третьей республики по сравнению с Красной Армией, но как же тогда он рассчитывал ответить *quid pro quo* на советское наступление? Было еще немало вопросов, которые задавала советская сторона, а французская,

как всегда, игнорировала. Тем самым, франко-советские отношения, как говорится в известной эпиграмме, были комедией, в которой за пеленой юмора скрывалась трагедия.

Литвинов и Потемкин знали, как сильно навредили чистки репутации Советского Союза на международной арене. Однако они не желали слушать злорадные комментарии французов, свернувших переговоры, как то было в начале 1937 г., ибо именно Даладье передал Потемкину сведения о контактах высшего командования РККА с Германией, подготовке военного мятежа и установления антифранцузского союза⁵⁹. Вмешательство Даладье в «загадку 1937 года» выглядит непонятным, если учесть его стойкое неприятие французских коммунистов и расширения влияния Советского Союза. Знал ли он, какие последствия будет иметь его передача данных «разведки» Потемкину? Хотел ли он остановить разворот советской внешней политики или ожидал аналогичную реакцию Сталина? У нас нет оснований утверждать это, но очевидно, что курс Литвинова провалился. Все участники его возможной антигерманской коалиции отпали один за другим. Создавая союз против нацистского режима, он шел на большой риск, и «приз» в случае победы был бы достойным. Летом 1937 г. он уже не мог скрыть неудачу, слишком очевидную для Сталина. Ему не требовалось объяснений в духе марксистско-ленинской теории, чтобы понять: у СССР не было союзников и он был уязвим перед лицом серьезной опасности.

Весной 1937 г. снова пришли плохие новости. Главой британского кабинета министров стал Невилл Чемберлен, а правительство Блюма, просуществовавшее немногим более года, ушло в отставку. Чехословакия, осознавая ухудшавшееся положение, стала перед необходимостью идти на соглашение с Германией, как и предсказывал Титулеску. «Не было сомнений, что Чехословакия будет первой жертвой», — говорил Литвинов, наблюдая за сгущавшимися тучами над последней. Великобритания давила на Бенеша, чтобы он решил «судетский вопрос» и не провоцировал Гитлера. Однако Прага не собиралась отказываться от договоров с СССР и Францией и отдавать Судеты⁶⁰.

Если советское правительство не могло обойтись без публичной критики Лондона и Парижа с позиций исторического материализма, то последние, в свою очередь, не могли сдержаться от антикоммунистических выпадов в адрес Москвы. Без каких-либо затруднений

их можно было обнаружить во французской прессе и словах французских дипломатов во всех странах мира. Так, посол в Токио прославился пышными тирадами против советского режима. Даже Гамелен критиковал Народный фронт и прославлял Японию, «которая заняла ведущее положение в борьбе против большевизма»⁶¹. Напряженность в отношениях между Советским Союзом и Японией нарастала, и Литвинов не мог положительно воспринимать французских генералов, которые открыто сочувствовали Токио. Французские послы в Москве выражали недовольство тоном советской прессы; Литвинов отвечал тем же. Полуофициальная парижская газета «Le Temps» часто вызывала гнев Кремля. Тому были две причины: источником ее сведений зачастую было ведомство на Кэ д'Орсэ, а средства (около 500 тысяч франков в год с начала 1920-х) поступали из советского посольства, пытавшегося таким образом снизить накал критики. Порой так и происходило, но зачастую и подолгу она служила источником расходов для весьма бережливого Литвинова.

Он поднял этот вопрос в разговоре с Дельбосом в начале 1937 г., когда советское правительство все еще пыталось оживить переговоры между военными двух стран. Собеседник, хотя все знали, что это не так, опроверг, что «Le Temps» является полуофициальным изданием французского Министерства иностранных дел. Конечно, и Литвинов вряд ли мог отрицать, что эта газета не получает советские деньги, что прекратившие антисоветскую критику и выступавшие за франко-советский союз журналисты других изданий являются бессребрениками. Точнее сказать, подобные пособия практиковало не только советское посольство. Ходили слухи, что Германия и Италия за подобные услуги платят куда как больше⁶².

Преемник Алфана на посту французского посла в Москве Роберт Кулондр зачастую жаловался Литвинову на советскую «пропаганду». Поводом для этого в ноябре 1937 г. была статья главы Коминтерна Георгия Димитрова к годовщине Октябрьской революции 1917 г. во французском коммунистическом ежедневнике «L'Humanité». Более того, СФИО отказалась от антивоенных лозунгов и стала выступать за укрепление обороны. Димитров же твердо поддерживал стратегию народных фронтов во Франции⁶³. Для французских правых Народный фронт был неприемлемым политическим объединением, благодаря которому ненавидимые

ими коммунисты получили легальный статус. С другой стороны, Димитров восхвалял ИККИ, особо активный в Испании, — еще один повод для недовольства французских правых. Литвинов расценивал их критику как пустяк, который не заслуживает внимания по сравнению с открытой враждебностью правительства и прессы по отношению к Москве. Он также уделял внимание «длинному списку разочарований, которые политика коллективной безопасности принесла Советскому Союзу»⁶⁴. Как ни парадоксально, советское посольство в Париже тратило большие суммы на поддержку коллективной безопасности, а не мировой революции. Литвинов удивлялся: что бы подумали англичане и французы, узнав, какие деньги тратит Италия на пропаганду против них. Советская разведка добыла «аутентичные документы», в которых говорилось, что итальянские консульства в Дамаске, Бейруте, Каире, Александрии и всей Северной Африке тратят 12,5 миллионов лир на подобную работу⁶⁵. Отсюда Литвинов делал выводы, что Франция и Великобритания, как и было в действительности, используют «двойные стандарты» для определения «пропаганды».

Франко-советские отношения к концу 1937 г. были отнюдь не на высоте. В декабре Дельбос совершил поездку по всем восточноевропейским столицам, за исключением Москвы. Его высказывания, сделанные в среде ближайшего окружения, легко достигали ушей оскорбленного Литвинова. Его французский коллега часто жаловался на «иллюзорное» (по словам советского наркома) вмешательство Коминтерна во внутренние дела Третьей республики и при этом очернял договор о взаимопомощи с СССР. В Варшаве Дельбос вместо того, чтобы попытаться смягчить жесткую польскую дипломатию, заигрывал с Бекем. Тем не менее, Литвинов знал, что глава румынского внешнеполитического ведомства Антонеску в разговоре с французским коллегой жаловался на «пассивность» французов и англичан. «Он, вероятно, сказал Дельбосу, — полагал Литвинов, — что беспрерывные и бесконечные уступки Германии, на которые идут Италия, Англия и Франция, увеличивают опасность возникновения войны. Более того, он требовал от Дельбоса, чтобы великие державы наконец-то определились с ответом на итало-немецкие претензии. Если Лондон, Париж и Москва сформируют блок, начнут твердо говорить в Женеве, то (по мнению Антонеску) все малые и средние страны их поддержат, тем

самым значительно сократив опасность войны». К сожалению, французы были парализованы: «Дельбос всюду говорит, что Германия представляет угрозу в первую очередь для Австрии, а не Чехословакии». Литвинов знал, что если Германия поглотит Австрию, северные границы Чехословакии будут открыты, и она станет следующей жертвой. Не без сарказма он полагал, что приказ надавить на непокорных чехов, чтобы те уступили Судеты, Дельбос получил из Лондона. Литвинов опасался английского влияния на Бенеша. Французы также знали: в декабре Легер заявил чешскому представителю в Париже, что британские заявления об обеспокоенности положением в Восточной Европе были не более, чем пустой риторикой, и Англия «не пошевелит и пальцем» на Востоке. Майский использовал то же самое выражение в своем дневнике. Не только Сталин чувствовал слабость Франции. Престиж страны неожиданно был разрушен румынским дипломатом⁶⁶.

Язык Антонеску, возможно, был сюрпризом для Москвы, поскольку Литвинов не считал того способным на большую силу воли. Титулеску принадлежат слова, что упорство — это невольная роскошь для малых восточноевропейских стран, расположенных вблизи опасных соседей. Титулеску, который был уже не у дел, говорил Майскому, что мир в Европе зависит от «фронта мира» во главе с Британией, Францией и Советским Союзом. Очевидно, он мог говорить более свободно, не ощущая за своей спиной короля Кароля и румынских правых. Если «фронт мира» будет создан, говорил Титулеску, все будет хорошо. Если же нет, свершится трагедия в двух действиях: первый завершится созданием немецкой «Серединной Европы», а второй ознаменует крушение Британской империи. Поэтому Англии необходимо срочно определиться со своим выбором⁶⁷. В разговоре с советским послом бывший министр словно произносил проповедь перед неопитами.

Комментарии Литвинова о французской политике были мягкими по сравнению с тем, что говорили Я. З. Суриц (теперь — посол в Париже) и В. П. Потемкин, который вернулся в Москву на пост заместителя народного комиссара иностранных дел. Суриц получал сведения от Мандела, Кота, Поля Рейно и других французских политиков и журналистов. Удивительно, как свободно они говорили о французской внутренней и внешней политике. Благодаря им Москва была хорошо осведомлена и могла не прибегать

к истмату. Мандель и Рейно побуждали советское правительство занять жесткую позицию в отношении Даладье, но Суриц не думал, что это будет полезно. Проблемы внутри французского кабинета и общества были очень глубоки. И Потемкин, и Суриц полагали, что Франция катится к фашизму и потеряет свой суверенитет⁶⁸.

Тем не менее, в январе 1938 г. Литвинов все еще держал дверь открытой, говоря в «общей директиве» о советской политике Сурицу: «Не проявлять инициативу в улучшении отношений, не выставлять нас единственными защитниками Лиги Наций, пытаюсь оказывать давление на правительства. Занять спокойную выжидательную позицию, поддерживая только те предложения, которые идут в направлении нашей общей политики»⁶⁹. Ждать и смотреть, что же произойдет — такова была новая линия Литвинова, несмотря на мрачные пророчества.

***

В начале 1938 г. Чехословакия была в опасном положении. Ее потенциальные союзники не могли договориться между собой. Франция и Британия колебались, не решаясь предпринять какие-либо действия из-за боязни спровоцировать Гитлера. Попытки наркома Литвинова сформировать антинацистский союз провалились, загубленные антикоммунистическими настроениями со стороны французского Народного фронта и гражданской войной в Испании. Этот «большой список разочарований» создал Литвинову образ глупца-мечтателя, что опасно оставляло СССР в изоляции перед лицом нацистской Германии. Ему пришлось уйти в оборону, неоднократно повторяя послу в Лондоне Майскому: «Как я вам говорил в Женеве, мы принимаем выжидательную позицию по всем вопросам и не намерены навязывать свое сотрудничество кому бы то ни было»⁷⁰. Собственно, тогда это была единственно приемлемая позиция.

В первых числах марта 1938 г. Литвинова посетил французский посол в Берлине Кулондр, включившийся в «долгий спор» о советской критике Франции, чтобы поговорить об «интернациональной солидарности пролетариата». Тема эта часто обсуждалась ими, но в этот раз советский нарком подробно остановился на каждой из претензий Кулондра. Он подчеркнул, что в последнее время никаких новых заявлений сделано не было, правда, вне протокола выразил желание о том, чтобы его коллеги реже говорили по этому

поводу. Заставить их он не мог: одним из ораторов на эту тему был сам Сталин. Поэтому если Москве не приходилось бы выражать протесты по поводу антисоветских выступлений, скажем, французского парламента, «прийти к общему знаменателю было бы проще». Нет смысла валить с больной головы на здоровую. Необходимо сосредоточиться на действительно важных проблемах, ведь, как подчеркнул Литвинов: «Все понимают, что мир находится на грани войны». Он напомнил Кулондру, что Советский Союз «не отвергает идею сотрудничества с другими странами... однако отношения с этими странами становятся все более напряженными по вине последних, и они сами не желают сотрудничества <с нами>». «Мы не меняли курс своей внешней политики, — продолжил Литвинов, — а вот влиятельные круги Франции и Великобритании продолжают нападки на СССР. Это мы не можем игнорировать. Поэтому Франции и Британии необходимо самим сделать шаг к установлению дружественных отношений, если, конечно, их правящая элита сможет преодолеть классовую вражду». Литвинов также напомнил о том, что у СССР и Франции «общие интересы» и «общий враг», однако французский истеблишмент забыл об этом в пылу вражды. Отчет Кулондра, направленный в Париж, хотя и заглушал раздражение Литвинова, как это бывало ранее, но не смог смолчать о горечи советской стороны от провала коллективной безопасности⁷¹.

12 марта 1938 г., на следующий день после встречи Кулондра и Литвинова, Гитлер без единого выстрела присоединил Австрию, где немецкие войска были встречены восторженными толпами. 15 марта чехословацкий посол в Москве Зданек Фирлингер встретился с заместителем народного комиссара иностранных дел Потемкиным, чтобы рассказать об угрозе аншлюса для Чехословакии, которая была очевидна. По его словам, французское правительство информировало Прагу об обещании немедленной помощи в случае немецкой агрессии. Потемкину такое развитие событий показалось сомнительным, так как позиция Франции целиком зависела от Великобритании, полной сомнений. Фирлингер задал неизбежный вопрос: какова позиция СССР в данных обстоятельствах. Потемкин ответил, что вопрос во многом зависит от Франции. Если она, следуя условиям договора, «окажет прямое и активное сопротивление немецкому агрессору, у Британии не будет иного выбора, кроме как последовать за ней». «Что же касается Советско-

го Союза, никто не сможет нас упрекнуть в том, что мы не выполняем взятые на себя обязательства»⁷².

13 марта для Москвы мелькнул луч надежды, когда Леон Блюм и Поль-Бонкур, немало сделавший для установления дружественных франко-советских отношений в качестве министра иностранных дел, сформировали новое правительство. Однако два дня спустя советский посол Суриц на приеме у Блюма обнаружил последнего «в панике». Ее, вне всяких сомнений, вызвала встреча с министром обороны, Даладье, генералом Гамеленом и другими военачальниками, которые заявили, что Франция ничем не может помочь Чехословакии, равно как и СССР. Эта неудача не остановила бывшего тогда министра иностранных дел Франции Поль-Бонкура: первым делом он информировал румынского посла о том, что Париж намерен начать переговоры с Бухарестом об условиях предоставления коридора для прохода Красной армии⁷³.

17 марта на международной конференции Литвинов поставил вопрос о возрастающей угрозе нацистской агрессии. Как он пояснил Майскому: «Я намеревался взбудоражить пацифистские настроения общественности и избавить нас от ответственности за окончательный провал системы коллективной безопасности и нейтрализовать слухи о нашей слабости в связи с чистками. Если же, вопреки ожиданиям, общественность повлияет на правительство Чемберлена, и оно пойдет на обсуждение общеевропейских проблем — тем лучше». Тем не менее, Литвинов попросил Сурица «неофициально» заручиться французской поддержкой. Это, по его мнению, могло помочь в определении позиции Великобритании⁷⁴.

Больше ничего не оставалось: британское и французское правительства отказались от советских предложений в силу уже традиционного пренебрежения к мнению Литвинова. Александр Кадоган, английский дипломат, заметил, что советские заявления могут вызвать трудности в Палате общин: «Оппозиция заявит, что коллективная безопасность — это марш под знаменами храброго Литвинова». «Цель русских, — продолжал он, — ускорить войну в Европе и запутать нас. Они будут участвовать в активных действиях не без выгоды для себя, поскольку, в конце концов (что весьма вероятно), надеются на мировую революцию. И раз уж это непосредственно касается нас, необходимо действовать, исходя из сложившихся обстоятельств. Если мы

решился на активные действия — примем блеф немцев — мы можем надеяться на поддержку России, в той или иной степени. Если же пойдём на поводу у Литвинова — мы только ускорим конфликт⁷⁵.

Из корреспонденции Литвинова становится очевидно, что оценка ситуации Кадоганом была далека от истины. Литвинов в конце марта 1938 г. писал послу в Праге Александровскому, чтобы он не слишком рассчитывал на успех. Гитлер мог напасть на Чехословакию с трех направлений, а чехословацкий президент Бенеш под давлением мог сдать и пойти на уступки, что привело бы его страну к гибели. «В любом случае, в существующих условиях Чехословакии не суждено долго просуществовать... Аншлюс уже гарантирует Гитлеру гегемонию в Европе... вне зависимости от будущей судьбы Чехословакии». Тем не менее, Литвинов, раздраемый внутренними противоречиями, интересовался позицией Румынии в постоянно повторяющемся вопросе о «коридоре» для Красной армии. По всей видимости, в Бухаресте также взволнованно восприняли аншлюс. Но Литвинов сомневался, что король Кароль решится провоцировать Германию. Франция и Чехословакия настаивали на том, что Советский Союз должен внести свою лепту в вопрос их безопасности путем официального отказа СССР от требований на Бессарабию в обмен на право прохода по территории Румынии, как будто сотрудничество с Советским Союзом не было в интересах королевства. По мнению Литвинова, его зарубежные коллеги сами должны были добиться этого права. Возможно, министр иностранных дел Поль-Бонкур пытался это сделать, не поставив Москву в известность. Советское правительство все еще готово было обсудить сотрудничество с Бухарестом, «но не ценой отказа от претензий на Бессарабию». Румыния и прочие независимые государства центральной Европы должны были объединиться против Германии, иначе «всем им будет суждено по очереди подчиниться немецкой тирании». Это был трезвый аргумент, однако новый румынский министр иностранных дел Николае Петреску-Комнен на встрече с Александровским по его пути в Москву в апреле сказал, что «Румыния, как небольшая страна, должна занимать исключительно выжидательную позицию»⁷⁶.

Литвинов, в то время был раздражен французскими нападениями на советские вооруженные силы, ослабевшие в связи с репрессиями.

Возможно, они били Литвинова по больному месту, но он считал, те еще обернутся против Франции, создав определенное настроение в Москве, «неблагоприятное для принятия решений, в которых французское правительство напрямую заинтересовано». Он принимал в расчет заинтересованность Франции в советских противогазах, однако были и более важные вопросы⁷⁷. Во французской прессе обсуждалась карточная система и ее неэффективность, что только подогревало раздражение Литвинова. Он даже рекомендовал Сурицу предпринять демарш, если в ближайшее время эта тема не исчезнет с газетных полос⁷⁸.

Один из последних протестов Москвы относительно французской политики исходил не от Литвинова, а от Потемкина в первых числах августа 1938 года, когда Блюм был еще премьер-министром Франции. Советский дипломат говорил: «Несмотря на чрезвычайно напряженную международную обстановку, французское правительство не собирается менять свою политику нерешительности, бездействия и доверчивости перед лицом фактов, создавая угрозу миру и Франции в частности. Ни захват Германией Австрии, ни шаткое положение Чехословакии... ни появление немецких и итальянских войск на испанских границах... не заставили Францию проснуться, поразмыслить и, наконец, сделать что-либо для собственной безопасности... Как и прежде, она не может ничего сделать без Британии, в которой видит единственную надежду в защите. Как и прежде, оно не желает понимать, что первая же демонстрация решительности, твердости и независимости французской внешней политики, как во времена Луи Барту, заставит надменного агрессора подчиниться, прийти в чувство, напомнит Великобритании об опасности ее собственной изоляции и вдохновит на борьбу за мир все население Европы». Повторяя Сурица, Потемкин говорил, что Франция идет «к катастрофе» и изменить этот курс может только перемена во внешней политике. Что касается Чехословакии, французская политика «труслива и пассивна... Никто не верит в то, что французское правительство придет на помощь союзнику».

Франция была не единственным источником гнева Потемкина. Он отдельно останавливался на Польше, которая «помогала Гитлеру в действиях, направленных против Чехословакии». Даже французский посол в Берлине подтверждал соучастие Польши: Варшава намеревалась

занять район Тешина и заселить его поляками в случае падения Чехословакии. Германия, по всей видимости, поощряла «аппетиты» Польши и толкала ее на конфликт с СССР. «Гитлер рассчитывает на неизбежное поражение Польши от наших войск», — писал Потемкин, — «когда мы займем некоторые области Польши, Германия сделает то же самое со своей стороны. В общих чертах, Польша самостоятельно выполнила план Германии по ее четвертому разделу и потере национальной независимости». Тем не менее, в планы внешней политики СССР это не входило. Потемкин рекомендовал Сурицу задействовать свои связи в кругах французских журналистов и начать кампанию в прессе, «объясняя предательскую роль Бека (польского министра иностранных дел) и судьбу, ожидающую Польшу, если она продолжит следовать тому пути, который был ей предначертан Гитлером.» «Они играют с огнем», — делал вывод Потемкин, — «так как в Польше, как и везде, есть недовольное меньшинство»⁷⁹.

8 апреля 1938 г. новый кабинет, возглавляемый Даладьё, сменил правительство Блюма. Представитель правых радикалов, Жорж Боннэ сменил Поль-Бонкура на посту министра иностранных дел. Могли ли новости из Парижа быть хуже? «Я считаю Даладьё», — писал Литвинов, — «еще менее расположенным к сотрудничеству с нами, чем Дельбос»⁸⁰. Чехословацкий министр иностранных дел Камиль Крофта, тем не менее, считал, что Прага может рассчитывать на Францию и Британию. В Москве в это никто не верил, поэтому Народный комиссариат иностранных дел распорядился вывезти архив советского посольства из Праги⁸¹. Потемкин предупредил посла Чехословакии в СССР Фирлингера, что ключ к позиции Франции — в Британии: если Чемберлен убедит Францию «не раздражать Германию», с которой Британия собиралась вести переговоры, «французы не посмеют иметь особое мнение по вопросу Чехословакии». Гитлер сразу это заметит и будет действовать «безнаказанно». Фирлингер ответил, что Чехословакия будет отстаивать свою независимость с оружием в руках, хотя без поддержки Франции и СССР положение будет «очень сложным». Поэтому, когда Даладьё встретился с Чемберленом в конце апреля, Фирлингер был воодушевлен. Потемкину же исход этой встречи не казался predetermined: «объективная информация» никак не подтверждала готовность Британии противостоять немецкой экспансии в Централь-

ной и Юго-Восточной Европе. И это еще было мягко сказано: Литвинов получил информацию, что «Чемберлен с самого начала заявлял, что Британия не может гарантировать статус-кво в Чехословакии», несмотря на уступку Судет. Бенешу пришлось бы пойти и на более существенные «жертвы». Война была бы бессмысленна, по мнению Чемберлена, и ЧСР была бы уничтожена прежде, чем подоспеет любая помощь. Фирлингер настаивал на том, что чехословацкое правительство будет «лабиринт и выживет»⁸². Информация Литвинова была точна. По мнению Боннэ, Прага ничего не значила для Великобритании, а «Версальский мир соединил вместе королей и шутов. Никто не обязан умирать за то, чтобы защитить его»⁸³.

6 мая Боннэ через посредника отправил сообщение в Берлин о том, что французское правительство «решило похоронить» франко-советский пакт. Боннэ и Даладьё не стали тратить время на объяснения с американцами, почему Чехословакии ничем нельзя помочь. У Франции больше «не было козырей» для политических игр, равно как и оружия для открытой конфронтации с Гитлером. Вступить в войну «означало бы для Франции ничто иное, как поражение и раздел». Именно поэтому «Франция не будет абсолютно ничего предпринимать» в случае германской агрессии против Чехословакии, как заявил вице-премьер Камиль Шотем. Пусть Великобритания принимает решения, а «Франция может только мутить воду...»⁸⁴.

13 мая Боннэ встретился в Женеве с Литвиновым и проинформировал того, что в ближайшие три месяца ситуация может существенно обостриться и Франция объявит о мобилизации. Его интересовали действия СССР, учитывая, что Польша и Румыния не давали согласия на предоставление «коридора» для Красной армии. «Советский Союз объявит мобилизацию? А что последует далее?» — постоянно спрашивали у него, и Литвинову эти вопросы уже порядком надоели, так как Третья республика не собиралась посвящать в свои планы. Литвинов мог и сам ответить в том же духе. Боннэ искал выход из сложившейся ситуации и надеялся, что СССР занят тем же. Однако Литвинов обстоятельно довел до сведения собеседника, что советское правительство не имело достаточно дипломатического влияния на пограничные государства, чтобы добиться права прохода по их территориям. Париж должен самостоятельно решить эту задачу. Он также заметил, что не

считает себя достаточно компетентным в военных вопросах, но полагает, что абсолютно необходимо организовать встречу с чехословацким и французским военными штабами. Он указал Боннэ на то, что об этой необходимости было известно еще с 1935 года, но Францию это почему-то не интересовало. Боннэ счел ответ Литвинова «уклончивым», каковым он не являлся. Помимо Боннэ Литвинов встречался с Галифаксом и Комненом. Первого он предупреждал не сделать критическую ошибку, поверив обещаниям Гитлера и приняв их «за чистую монету». Германскому диктатору не было никакого дела до судетских немцев. Ему было важно только «захватить территорию, стратегические и экономические позиции в Европе». Англичанин принял аргументы Литвинова и признал их убедительность, однако не огласил их в Лондоне. Комнена, в свою очередь, придерживался мнения о необходимости провести консультации военных, но избегал конкретных действий. В то же время, согласно французским источникам, он яро и непреклонно вместе с Боннэ отстаивал идею о необходимости запрета Румынией предоставления коридора для Красной армии. Сам Комнен, оценивая эти встречи, был более дипломатичен. Когда Боннэ спросил — пойдет ли Румыния на предоставление коридора для Красной армии, Комнен ответил: «Этот вопрос слишком важен для того, чтобы дать однозначный ответ, несмотря на то, что „общественное мнение“ было „категорически“ против этого. Если вы хотите, чтобы Румыния вас поддержала, Франция и Великобритания должны вернуть утраченные позиции в бассейне Дуная»⁸⁵. Румыния осторожноничала, однако весной она «разрешила переброску по своей территории воздушной и наземной боевой техники, предназначенной для Чехословакии»⁸⁶.

Действия правительства Чехословакии в мае, казалось, оправдывали заявления Фирлингера Потемкину. 19–20 мая оказалось, что немецкие войска рассредоточились по границам Чехословакии, поэтому 21 мая Прага распорядилась о частичной мобилизации для организации сопротивления. Гитлер был в ярости и поклялся уничтожить чехословацкую государственность. Британцы и французы были застигнуты врасплох и встревожились неожиданной перспективой войны. Английское Министерство иностранных дел выслало инструкции своему послу в Берлине рекомендовать немецкому правительству «умеренность». Боннэ выслал такие

же инструкции, но не в Берлин, а в Прагу. Литвинов, наверное, тоже не ожидал столь стремительного развития событий, но 25 мая выразил Фирлингеру свое одобрение мерами, принятыми Чехословакией⁸⁷.

Даладье пригласил немецкого посла на ужин, чтобы побеседовать «как солдат с солдатом». Он рисовал ужасные картины войны: «орды казаков и монголов» вторгнутся в Европу. Даладье не вступил в союз с Чехословакией и «определенно, не был этому рад.» Но «если Германия нападет на Чехословакию, французам придется вступить в бой, если они не хотят быть опозоренными.» У Франции была одна линия поведения с Германией, другая — с Америкой и третья — с СССР⁸⁸.

Впоследствии Боннэ пригласил польского консула, чтобы определиться с позицией Варшавы, в случае военных действий на территории Чехословакии. Польский ответ был резок: чехословацкое государство нежизнеспособно и является средоточием коммунистов. Варшава получит Тешин, если Германия оккупирует Судетскую область. В июне Литвинов отдал распоряжение Сурицу предупредить Боннэ и Легера, однако они уже были в курсе позиции Польши. «В свете нашего решения остановить польскую интервенцию» Литвинову необходимо было знать, будет ли Франция считать себя связанной франко-польским договором о союзе. Нарком предложил организовать утечку информации в прессу, чтобы предостеречь поляков от опрометчивого шага. Даладье боялся польского удара в спину. Но Боннэ на неделю отсрочил заявление о том, что Франция не будет считать себя связанной узами договора, если польские войска вступят на территорию Чехословакии⁸⁹.

В первых числах июня Литвинов говорил, что Гитлер не скоро «начнет свою авантюру» в Чехословакии, а попытается «надавить» на Бенеша, выбивая максимальное количество уступок посредством британской дипломатии. Существовало также мнение о нейтрализации чехословацкой проблемы по примеру Швейцарии, хотя Кулондр заявил, что Франции такой вариант не подходит. «Как бы то ни было, мы знаем», — возражал Литвинов с присущим ему сарказмом, — «что пределы французской неговорчивости определяются Лондоном»⁹⁰. Эти наблюдения были вполне точны; француз и британцы продолжали давить на Бенеша, выбивая уступки. Для этой цели в первых числах августа британцы отправили в Прагу бывшего министра лорда Уолтера Ренсимена.

В свете советского пессимизма по поводу англо-французских отношений Литвинов в июне 1938 г. отправил Александровскому сообщение с предупреждением о том, что советское правительство не должно предпринимать какие-либо действия относительно Чехословакии прежде Франции. Отныне советская помощь Праге должна была оказываться сообразно действиям Франции. «Мы считаем... что вопросы <неофициальной помощи> должны решаться представителями французского, чехословацкого и советского генералитета. Мы не должны ходатайствовать о таких встречах, не обсуждать его, объясняя это... требованиями нового протокола». Однако Литвинов не ограничивал Александровского в свободе действий: «Под таким невероятным давлением со стороны Франции и Великобритании вы, безусловно, должны поддерживать силу духа чехословаков и их сопротивление давлению». «Мы не поддержим решение чехословацкой проблемы силой оружия, — объяснял Литвинов, — мы вовсе не противопоставляем сохранение чехословацкой „политической независимости“ сокращению напряжения и предотвращению опасности вооруженного конфликта. В той же степени Советский Союз не принял бы „нейтрализацию“ Чехословакии, приводящую к отказу от неофициальной помощи как от Франции, так и от СССР»⁹¹. Эти инструкции были лишним напоминанием об осмотрительности, с какой должен был действовать советский полпред. СССР не собирался подставлять шею нацистской Германии, когда прочие государства не желали подставлять свои.

20 июля Боннэ вызвал чехословацкого посла Штефана Озуски, чтобы прояснить «французскую позицию» в вопросе безопасности Чехословакии. «Чехословацкое правительство должно твердо знать нашу позицию: Франция не вступит в войну из-за судетской аферы. Конечно, мы проинформируем общественность о нашей солидарности, как этого хочется чехословацкому правительству, но наша солидарность должна дать возможность чехословацкому правительству принять решение о мирном и почетном решении проблемы». В заключение, Боннэ повторил, что «Чехословацкое правительство должно понять, что Франция, как и Великобритания, не вступит в войну. Важно, чтобы, несмотря ни на что, это стало ясно», — сказал он, выражая не вполне искреннее сочувствие. Разница между демаршем Боннэ и позицией Москвы огромна. На встрече с Сурицем четырьмя днями позже Боннэ

не упомянул о своем разговоре с Озуским, сказав только, что правительства Франции и Великобритании оказывают «давление» на Прагу по поводу переговоров о судьбе судетских немцев. «Мы не можем навязывать Праге соглашение, — говорил француз советскому послу, — которое будет несовместимым с суверенитетом Чехословакии и угрожать ее целостности»⁹². Неужели Боннэ считал Сурица слепым глупцом? Это заявление никоим образом не вязалось с реальной политикой Франции. В любом случае, Литвинов предупреждал, что судетский вопрос был не более чем уловкой для прикрытия германских амбиций на господство; речь о правах меньшинств тут ни при чем. К сожалению, французы и британцы не слушали призывов Литвинова, либо высмеивали его «поучения». В сентябре французский МИД направил в правительство официальный протест о неуполномоченных действиях Боннэ⁹³.

В августе Литвинов выслал дальнейшие инструкции Александровскому: «Мы крайне заинтересованы в сохранении независимости Чехословакии, в подавлении гитлеровских амбиций о продвижении на юго-запад, однако без поддержки западных сил мы не сможем сделать чего-либо существенного, пока они не сочтут необходимым заручиться нашей помощью, они будут нас игнорировать и все вопросы, касающиеся германо-чехословацкого конфликта, будут решать между собой. Мы не знаем наверняка, указала ли Чехословакия нашим западным „друзьям“ на необходимость консультаций с СССР. В этих обстоятельствах публичная и официальная критика действий Великобритании и Франции может привести к обвинению нас в попытках противостоять их „миротворческим действиям“ по укреплению непреклонности Чехословакии, а посему будет бесполезна самой Чехословакии... Достаточно того, что я указал на отсутствие давления на Чехословакию с нашей стороны и предоставление им полной свободы действий». Литвинов также беспокоился о польской интервенции, боясь, что Александровский мог увлечься, объясняя советскую точку зрения. Поэтому он напомнил Александровскому, что и сам Бенеш не хотел расширения советско-чехословацкого пакта, который мог бы замаскировать польскую агрессию: «Это вовсе не означает, что мы будем к этому безразличны и не будем предпринимать мер по противодействию. Нашими демаршами в Париже (в июне) мы должны были дать достаточно

серьезное предупреждение Польше. В будущем мы, вероятнее всего, будем использовать все необходимые меры, чтобы Польше, агрессивно настроенной к Чехословакии, приходилось постоянно оглядываться на нас... Пакт о ненападении (1932 г.) с Польшей, как вы знаете, содержит условие, по которому в случае агрессии одной из договаривающихся сторон по отношению к третьей стороне, обязательства по договору теряют юридическую силу. Поэтому, в случае нападения Польши на Чехословакию пакт нас связывать не будет»⁹⁴.

Осторожность Литвинова все-таки должна быть расценена как показатель поддержки Чехословакии, в противовес сведениям, исходящим от Парижа и Лондона.

Москва могла только гадать, что в конце августа французы обещали чехословакам в случае немецкой агрессии. Александровскому от его доверенных лиц в Праге поступали различные слухи и намеки об «обещаниях» Франции, но Литвинов расценивал эти «обещания» мнимыми или, во всяком случае, преувеличенными с целью ускорить переговоры с Чехословакией о советской помощи. Таким образом, Литвинов не был информирован об июльском демарше Боннэ, а это означает, что чехословаки не все сообщали Александровскому. Французский посол в Праге Виктор де Лакруа докладывал, что Бенеш весьма эмоционально отреагировал на отчет Озуского о заявлении Боннэ, как оно, по всей вероятности, и было. Близкий союзник срочно направил бы эту информацию в Москву. Но чехословацкий министр иностранных дел только намекнул Александровскому 27 июля, охарактеризовав Боннэ «ужасным трусом», который боялся каждого шороха. По мнению Крофты, было еще большей удачей то, что не только Боннэ выражал официальную позицию Франции⁹⁵. Было бы неплохо, если бы остальные говорили с ним на разных языках. Таковых советский посол в Праге называл «белыми воронами»⁹⁶.

Бенеш не проинформировал Москву о демарше Боннэ, отчасти потому что боялся за слабеющую военную советско-чехословацкую взаимосвязь. Возможно, он хотел оставить пространство для маневра или же хотел сблизиться с Боннэ и удержать хрупкую коалицию (конечно, если ее можно назвать таковой), которая могла защитить его страну. Таким образом, он недооценивал Литвинова — тогда наиболее преданного союзника Чехословакии. Чехословацкий президент ни за что не приблизился бы к Мо-

скве ценой потери Парижа. Как он говорил еще в июле, перед демаршем Боннэ, его действия продолжали «зависеть» от Франции⁹⁷.

Литвинов все же не собирался сдаваться. 27 июля, в тот же день, когда Крофта встречался с Александровским, Литвинов беседовал с Кулондром в Москве. Разговор был таким же, как и сотни предыдущих, которые он вел со своими западными коллегами: «страны-агрессоры» были «хищниками», атакующими слабых. Покажи им штыки — и они быстро отступятся. По мнению Литвинова, немцы блефовали. Кулондр возразил, сказав, что это может быть и не так. Тогда нам необходимо «показать единый фронт и храброе сердце» — ответил Литвинов⁹⁸.

29 июля, двумя днями позднее разговора Литвинова и Кулондра, Красная армия вступила в бой с японцами на Дальнем Востоке, в районе озера Хасан в Манчжурии, откуда не так далеко было до Владивостока. СССР был ничем не лучше подготовлен к ведению боевых действий, чем Франция или Великобритания: ему пришлось оборонять огромный сибирский фронт от японцев, одновременно разбираясь с внутренними беспорядками, вызванными сталинскими чистками. Тем не менее, относительно нацистской Германии внешняя политика СССР была неизменна, по крайней мере, по сравнению с англо-французской.

22 августа Литвинов встретился с немецким послом, который попросил разъяснений по поводу намерений Москвы и западных государств в сложившейся ситуации. Непонятно, что случилось с обычно осторожным Литвиновым, но он ответил, что чехословаки «все как один будут бороться за свою независимость, что Франция при условии нападения Германии на Чехословакию, немедленно вступит в войну, что Великобритания, нравится это Чемберлену или нет, не сможет оставить Францию без поддержки, да и мы также выполним свои обязательства перед Чехословакией». Объяснением необычной для Литвинова агрессивности может быть раздражение на немецкого посла, пытавшегося возложить вину за нарастающее напряжение на Прагу, либо он просто блефовал в попытке запугать Берлин. Слухи о его заявлении дошли до Боннэ, которому вовсе не хотелось вступать в войну с Германией, поэтому он запросил разъяснений у Москвы. Французский поверенный в делах Пайарт подтвердил заявление Литвинова⁹⁹.

25 августа 1938 г. Боннэ встретился с Сурицем, чтобы лично получить разъяснения. Он

полагал, что ситуация с Чехословакией была безнадежной и подтвердил, что позиция французского правительства останется неизменной: «если Германия вторгнется в Чехословакию, Франция будет следовать своим обязательствам.» Сурицу такое заявление, наверняка, показалось хорошей новостью (действительно ли он в это верил?), однако Боннэ на встрече с Озуским ничего подобного не говорил¹⁰⁰. Прага об этом знала, а Москва — нет.

31 августа Боннэ повторил суть позиции Франции Пайарту и поручил ему узнать от Литвинова о намерениях советского правительства относительно Чехословакии в случае военных действий. Он говорил, что проблема с коридором оставалась, «несмотря на все мои попытки»¹⁰¹. Трудно сказать, что это были за попытки, если Боннэ пытался не провоцировать Польшу на переход в нацистский лагерь. Что касается Румынии, кажется маловероятным, чтобы он вообще что-либо предпринимал. Советские собеседники спрашивали у него, есть ли какая-либо весома причина, по которой они должны были верить его словам. В тот же день, когда он отослал инструкции Пайарту, Боннэ сказал британскому поверенному в делах, что если Чехословакия не примет решения третейского суда, которое может быть предложено лордом Ренсименом, «тем хуже будет для них». Глава французского МИД был уверен, что немецкое правительство «не откажется принять справедливое британское предложение», но насчет Чехословакии он не был столь уверен. Еще не получив ответ от Пайарта, он уже жаловался британскому послу в Париже Эрику Фиппсу, что ему уже «надоел» этот Суриц, «действующий по инструкции от М. Литвинова, чтобы показать более твердые позиции в Чехословакии...» После Боннэ сказал, «что единственным желанием России является затеять всеобщую войну, в мутных водах которой она будет искать выгоду»¹⁰². Это утверждение было широко распространено среди англо-французской правящей элиты и шло вразрез с попытками советской дипломатии под руководством Литвинова организовать мощный антинацистский альянс, чтобы обуздать Германию или нанести ей поражение в войне.

Пока Боннэ делился своими соображениями с Фиппсом, Литвинов в Москве отвечал на последние запросы Франции. Перед этим, 1 сентября он запросил инструкций у Сталина. На следующий день Литвинов поставил Пайарта в известность о том, что если Франция окажет

поддержку Чехословакии, СССР выполнит свои обязательства с наибольшей тщательностью, используя каждую возможность для помощи. Что же касается вопроса о коридоре для Красной армии, пока от Польши решения ожидать не приходится, а Румыния может быть более сговорчивой, если Лига Наций осудит германскую агрессию большинством голосов. Необходимо проведение трехсторонних переговоров, и Литвинов заявил, что СССР готов в них участвовать. Он также вернулся к идее об англо-франко-советской конференции на высшем уровне, чтобы таким образом заставить Гитлера отступить от Чехословакии. Внося такие предложения, которые ничем не отличались от его слов полугодовой давности, он запросил предложения Франции, так как советское участие подразумевалось при условии французского вмешательства. Следуя ставшей уже обычной для Франции линии поведения, Пайарт уклонился от вопроса. Литвинов не позволил Пайарту замолчать эту тему: «Гитлер основывает свои расчеты на двойных предположениях, что Франция выдвинется только если решится Великобритания, но Великобритания не решится»¹⁰³. Эта фраза обобщала всю ситуацию, несмотря на то, что Литвинов был слишком добр по отношению к Франции. Сомнительно, чтобы Даладьё и Боннэ предприняли что-либо, если только под давлением общественного негодования вследствие чехословацкого сопротивления немецкой агрессии.

Когда Боннэ получил ответ Литвинова, он передал его в ином свете Фиппсу, который, в свою очередь, направил его в Лондон: «Боннэ уверен, что Россия выказывает намного больше осторожности... чем хочет для остальных». Как видим, это была проекция самого Боннэ на Литвинова, поэтому даже Даладьё чувствовал себя обязанным ее скорректировать. Однако Даладьё был ненамного целеустремленнее своего поверенного и вполне разделял кошмары Боннэ о «казаках», распространяющих революцию по территории Европы. Майский в Лондоне всерьез опасался того, что французское правительство попытается замолчать встречи Пайарта с Литвиновым в Москве, поэтому он сумел организовать утечку для Уинстона Черчилля, в то время рядового члена Парламента. Черчилль хотел остановить Гитлера в Чехословакии и поэтому направил послание Литвинова напрямую Галифаксу, который положил его под сукно. А даже если бы и не положил — Чемберлен был уверен, что сможет договориться с Гитлером. 8 сентября

Майский встретился с Галифаксом, заявившим, что британское правительство «желает мирного разрешения конфликта».

— Неужели цена вас не интересует? — спросил Майский.

Галифакс пожал плечами и заметил, что цена будет зависеть от обстоятельств.

На следующий день английский министр иностранных дел рассказал французскому послу Шарлю Корбину, что его страна не готова к войне «из-за агрессии Германии по отношению к Чехословакии». Майский в своем дневнике написал, что в конце августа встретил бывшего премьер-министра от партии либералов, Дэвида Ллойда Джорджа, который был против защиты Англией и Францией чехословацкой независимости¹⁰⁴.

Литвинов вернулся в Женеву в первых числах сентября, вскоре к нему присоединились Майский и Суриц. Первый встретился с Боннэ 11 сентября, правда неудачно. Французский министр информировал Литвинова о том, что направил его предложения в Лондон, где они были отвергнуты. Боннэ опять лицемерил, так как он искажил идеи Литвинова Фиппсу, а Галифакс действительно отверг их, получив их от Черчилля. Боннэ всю вину возлагал на Лондон. По воспоминаниям Литвинова «Боннэ воздевал руки к небу, говоря, что ничего нельзя сделать». Такое поведение произвело слабое впечатление на Литвинова, у которого уже кончалось терпение. Он докладывал, что от собеседника не поступало никаких предложений, и вел тот себя весьма скрытно¹⁰⁵. Министр, в свою очередь, утверждал, что Литвинов во время встречи был уклончив, пытаясь уйти от обязательств по отношению к Чехословакии. Опять-таки, Боннэ пытался спроецировать свое поведение на Литвинова.

Так как Кулондр мог слышать только версию Боннэ, он, встревоженный, отправился к Потемкину, который повторил для него советскую позицию. Фирлингер также встречался с Потемкиным, так как тоже слышал ту же версию от Кулондра. Потемкин постоянно повторял о советском желании организовать и участвовать в совещании штабов, по-прежнему отвергаемом Францией, о поддержке Чехословакии «плечом к плечу с Францией и всеми возможными средствами». Французское правительство, добавил Потемкин, даже не информировало своих собственных коллег о встрече Пайарта и Литвинова. Фирлингеру следовало радоваться заверениям

Потемкина, так как без согласия Сталина таких бы не последовало¹⁰⁶.

Когда к середине сентября Боннэ вернулся в Париж, казалось, он был сломлен. По воспоминаниям Фиппса, у него «совсем сдали нервы, он готов был на любое решение проблемы, чтобы избежать войны». Фиппс был настолько озабочен серьезностью ситуации, что отправился к Даладье, который подтвердил намерение Франции поддержать Чехословакию в случае нападения Германии. По словам Фиппса, сделал он это неохотно. Таким образом, Боннэ говорил одно, Даладье — другое. Чехословацкий посол в Лондоне Ян Масарик знал о переговорах Фиппса из собственных источников в британском МИДе и писал: «Боннэ призывает к сохранению мира любой ценой, даже если придется пожертвовать Чехословакией, так как Франция не готова и не желает воевать за нас. После Фиппс говорил с Даладье, который проявил чуть больше порядочности»¹⁰⁷. Последний понимал, что Франции необходимо сопротивляться, но у него не было уверенности в последствиях.

Боннэ был в ярости, вина во всем чехословаков, не желавших сдаться. «Боннэ выразил сильное раздражение поведением чехов, объявивших мобилизацию, не спросив у Франции, — докладывал Фиппс, — поэтому он очень прозрачно намекнул Бенешу, что Франция может пересмотреть свои обязательства по отношению к Чехословакии». Это был не намек. «Мы не готовы к войне, — оправдывал свое поведение глава французского МИД, — поэтому нам необходимо добиться наибольших уступок Германии по Судетам и... это должно быть сделано вопреки желанию чехов и русских... И чем быстрее, тем лучше», — добавил Боннэ¹⁰⁸.

Вечером 14 сентября в средствах массовой информации появились сведения о том, что Чемберлен на следующий день вылетает в Бертехсгаден на встречу с Гитлером. Он не проинформировал о своих действиях ни французов, ни чехословаков, ни, конечно, СССР. Он был уверен в том, что сумеет убедить Гитлера и предотвратить войну. «Вот это да! — писал Майский в своем дневнике, — Глава британской империи отправляется прямиком в руки немецкого фюрера. Вот что случилось с британской буржуазией!» У Крофты реакция на события была примерно такая же: «покорная капитуляция», только англичане этого не видят, что касается французов: Боннэ, Лакруа, Франсуа-Понсе — все они «пораженцы». Комнен также

расценивал встречу в Бертехсадене как знак англо-французской слабости и демонстрации того, «как опасно» было идти по пути защиты Чехословакии. Литвинов предупредил Москву, что Франция, по всей видимости, сдала позиции. «Не остается сомнений в том, что Чехословакию предадут, вопрос только в том, смирится ли она с этим»¹⁰⁹.

Но пока было рано делать какие-либо выводы. После встречи Чемберлена и Гитлера 19 сентября Франция и Великобритания начали оказывать серьезное давление на Прагу, настоятельно рекомендуя уступить территорию в пользу Германии. В тот же самый день Бенеш вызвал Озурского, чтобы сообщить ему, что сопротивление бесполезно. Согласно записям посла, премьер-министр сказал: «Мы не можем быть уверены в том, что Франция окажет помощь. Все теперь зависит только от того, насколько Англия солидарна с Францией. Он (Боннэ) заявил, что если Бенеш не внемлет франко-английским рекомендациям, Великобритания потеряет интерес к Чехословакии, что приведет к самым серьезным последствиям». В Женеве до Майского дошли слухи о том, что Озурский покинул набережную Кэ д'Орсэ в слезах. Чехословацкий посол в Лондоне Масарик отреагировал иначе: проклиная Британию отборными выражениями. Когда французское правительство 19 сентября узнало об угрозах Боннэ по отношению к Чехословакии, в его рядах зародилось возмущение, которого, однако, не хватило для того, чтобы изменить внешнюю политику Франции. Оно единогласно проголосовало за поддержку англо-французского ультиматума Праге. Правда, «ультиматумом» называл это Бенеш, Франция и Англия настаивали на нейтральном слове «рекомендация». Вечером 20 сентября Бенеш пригласил к себе французского посла Лакруа, чтобы попросить у него текст англо-советского ультиматума, который, якобы должен был быть оглашен после 2 часов дня 21 сентября для того, чтобы представить его своему кабинету министров. Не похоже, чтобы Александровский или даже Крофта были осведомлены о действиях чешского президента¹¹⁰. Когда известие об ультиматуме достигло Женевы, Майский заметил, что не представлял доселе, как низко могут пасть британцы и французы¹¹¹. Как бы то ни было, поведение самого Бенеша не внушало доверия ни в Москве, ни в Бухаресте.

Боннэ на одной из встреч с Фиппсом сказал, что СССР был «в ярости», однако, по-видимому,

тогда он путал внешнюю политику с внутренними неурядицами. «Я не раз говорил, — писал Фиппс, — что даже когда у советского правительства не было абсолютно никаких причин обострять отношения с Францией, оно никогда не собиралось помочь в прекращении различных забастовок, не останавливало своей губительной пропаганды о 40-часовой рабочей неделе. Было бы интересно посмотреть, что же еще оно может сделать, будучи в ярости»¹¹². Даже рядовые собрания рабочих были делом рук СССР: со стороны все выглядело как обычные разглагольствования за ужином с бутылкой старого доброго «Бордо» в клубе, но на самом деле эти разговоры были весьма серьезны.

19 сентября, в тот же день, когда у Озурского состоялся неприятный разговор с Боннэ, Бенеш пригласил Александровского заручиться обещанием поддержки со стороны СССР в случае оказания таковой Францией. Помимо этого он спросил, может ли Чехословакия рассчитывать на поддержку СССР в Лиге Наций. На следующий день, 20 сентября, от Политбюро — а значит от Сталина, поступил утвердительный ответ. Это произошло после возмущений во французском кабинете министров. Потемкин незамедлительно телеграфировал о решении Политбюро Александровскому, который в 7 часов вечера созвонился с Бенешем и сообщил ему ответ Москвы¹¹³. По всей видимости, заверения СССР не долго принимались Бенешем во внимание, так как вскоре он заявил, что чехословацкое правительство может принять тот ультиматум, который выдвинули Великобритания и Франция.

Согласно записям Фирлингера, поведение Франции в Москве расценивали как «открытое предательство» даже в дипломатическом корпусе. Боннэ был «отъявленным трусом», со слов Потемкина, оправдываясь малоэффективным авиасообщением и «нежеланием Советского Союза помочь нам». Со слов Фирлингера, по личному мнению Потемкина, франко-советский пакт был «бесполезен». «По всей видимости, завтра СССР публично уличит Боннэ в мошенничестве»¹¹⁴.

Потемкин ссылаясь на речь Литвинова в Женеве 21 сентября, в которой повторялись основные положения, изложенные ранее Пайарту. Боннэ больше не мог их исказить. Резонанс от речи был небольшим, хотя присутствовавшие представители Великобритании осознали, что Боннэ искажал все советские предложения. «Отвратительный лжец», — такова была одна из ха-

рактических. Именно в этой речи раздраженный Литвинов заявил британцам, что только у СССР «чистые руки» по отношению к Чехословакии¹¹⁵.

В тот же день, 21 сентября, Прага приняла англо-французский ультиматум, правда, Бенеш пригласил Александровского, чтобы задать некоторые вопросы. Со слов Александровского, президент интересовался коридором для Красной армии через Румынию и советской реакцией на известие о потенциальной угрозе польского вторжения в Чехословакию. На следующий день Потемкин встретился с Фирлингером и попытался уточнить причину «непонятого молчания Бенеша относительно того, насколько Чехословакия могла рассчитывать на обещанную Францией помощь в случае немецкой агрессии, а именно — если Гитлер выдвинет Праге новые требования, что приведет к войне». «Я напомнил Фирлингеру, — говорил Потемкин, — что данный вопрос — вопрос чрезвычайной важности для СССР». Оказывается, Бенеш поднимал на переговорах и вопрос о том, не желает ли Москва заключить чехословацко-советский пакт. По словам Потемкина, не было понятно, что движет чешским лидером, но такое предложение необходимо было серьезно обдумать. По всей видимости, ни Фирлингер, ни Потемкин вечером 20 сентября не знали о тайной капитуляции Бенеша. Фирлингер выразил надежду на такой ответ от советского правительства, который воодушевил бы Прагу¹¹⁶. Что можно было сделать для помощи Чехословакии, если Бенеш уже отказался от борьбы?

Москве казалось, что предполагаемые союзники постоянно спрашивают о намерениях СССР во время кризиса, в то же время отказываясь говорить о своих. Переговоры в Праге показывали, что Бенеш вел игру с Александровским и поэтому не информировал Москву о действиях Парижа, либо он действительно был соучастником в событиях, связанных с англо-французским ультиматумом от 21 сентября. Проблема, как и прежде, была в том, что без Франции советско-чехословацкий договор был бы невозможен. Агрессивный подход, в соответствии с которым необходимо было бы довериться Москве, выслать Боннэ, как когда-то был выслан Лаваль после попытки свергнуть правительство Даладье. Этого Бенеш не мог сделать из-за того, что был вовлечен в англо-французский ультиматум.

Тем не менее, политические маневры продолжались, и СССР делал все, что мог, чтобы помочь Чехословакии. 22 сентября Крофта со-

общил Александровскому, что польские войска подтягиваются к границам с Чехословакией. «Было бы хорошо, — предложил Крофта, — напомнить Варшаве о том, что советско-польский пакт о ненападении будет расторгнут в тот момент, когда Польша нападет на Чехословакию. В этот же день Суриц на встрече с Боннэ поднял вопрос о польских требованиях по отношению к Праге, но французский министр ушел от ответа. Тем не менее, Потемкин в 4 часа утра 23 сентября вызвал польского посла и объявил ему, что в случае нападения Польши на Чехословакию, СССР аннулирует советско-польский пакт о ненападении. Кулондра на встрече с Потемкиным интересовало, означает ли аннулирование пакта интервенцию СССР в Речь Посполитую? Потемкин ответил, что «в ноте об этом ничего не сказано, но это предупреждение Польше». Боннэ, напротив, искал «мирного решения» вопроса в аннексии Польшей Тешина без вооруженного конфликта¹¹⁷.

В то время как Польша вела себя подобно «младшему брату» Гитлера, Румыния занимала более конструктивную позицию. На встрече в Женеве Комнен известил британцев о том, «что в случае войны, снабжение Чехословакии через территорию Румынии представляется вполне возможным. По его мнению, не должно возникнуть трудностей в получении разрешения, особенно в отношении авиапоставок. Он также указал на возможные трудности с поставками по северной части Румынии, однако был расположен помочь, в случае вступления Великобритании и Франции в конфликт. По воспоминаниям румынского посла в Праге, Александровский сообщил Крофте, что Литвинов был доволен результатами переговоров с Комненом: нарком был «впечатлен» тем, что они только и делали, что искали наилучшую «формулировку, чтобы разрешить русским оказать поддержку». Польский посол в Лондоне, узнав об этих переговорах, писал: «Литвинов ожидал, что они соберутся все вместе на одной стороне и тогда дело будет в шляпе». В начале сентября советские самолеты пересекли территорию Румынии, хотя Комнен, при необходимости, был готов это отрицать¹¹⁸.

Готовил ли Литвинов дипломатическую почву под военные действия в случае выхода кризисной ситуации из-под контроля? Пытался ли Александровский оставить Чехословакию в игре? Неясно. Единственное, что можно сказать наверняка: СССР и Румыния были весьма осторожны, недоверчивы, особенно в условиях

постоянных слухов о том, что Великобритания и Франция предали Прагу, и Чехословакии настал «конец». Немецкий министр иностранных дел Иоахим фон Риббентроп бахвалился перед румынским послом в Берлине тем, что никто не посмеет напасть на Германию. «Сталин ничего не может сделать из-за Японии; а армия, убивающая собственных генералов, — добавил он, — вообще для нас не существует». Вне сомнений, немцы поощряли панику, особенно в Бухаресте, утверждая, что Чехословакия будет «раздавлена, как грецкий орех». Советская и румынская помощь — «фантазии». Франция и Великобритания ничего не могут поделать. «Игра Бенеша» подошла к концу¹¹⁹.

Однако Красная армия 21 сентября начала мобилизацию. Было приказано рассредоточить и нарастить военные силы на польских и румынских границах. Этот приказ касался 76 пехотных и кавалерийских дивизий, 3 танковых корпусов, 22 танковых и 17 авиационных бригад¹²⁰. Чехословакия начала мобилизацию 22–23 сентября, не получив запрета ни от Франции, ни от Великобритании, так как немецкие добровольческие корпуса начали сосредотачиваться в непосредственной близости от границы. В этот же день Чемберлен встретился с Гитлером в Годесберге, чтобы передать известие о капитуляции ЧСР, если Германия не предъявит к ней новых требований. 24 сентября Франция объявила о частичной мобилизации, Британия объявила о мобилизации на флоте. Кризис все еще мог выйти из-под контроля.

Тем временем, 22 сентября, Фирлингер встретился с Кулондром в Москве после разговора с Потемкиным, который (по словам Фирлингера), сожалел, что Прага не запросила советской помощи независимо от франко-чехословацкого пакта о неофициальной помощи¹²¹. Подразумевал ли Потемкин, что советское правительство намеревалось осуществить одностороннюю интервенцию? На следующий день Потемкин, узнав об откровениях Фирлингера Кулондру, попросил у него разъяснений. Фирлингер был пойман с поличным. Потемкин «выразил свое смущение» тем, что чехословацкий посол так понял его слова на прошлой встрече. «Будучи еще более смущенным, Фирлингер признал, что обсуждал с французским послом свою беседу с заместителем наркома индел только для того, чтобы информировать Францию о том, что Чехословакия может обойтись и без них. Он сказал, что отметил, как оно и было в действительности,

Советский Союз не возражал против заключения двустороннего соглашения с Чехословакией». Кулондр же докладывал в Париж не об этом, а о возможной советской односторонней акции. Однако Потемкин не знал этого и высказывал ему свое мнение за искажение его взглядов на вопрос Бенеша (советско-чехословацкий пакт), так как советское правительство его даже еще не обсуждало. «Я предупредил Фирлингера, что при первой же встрече с Кулондр вынужден буду дать необходимые разъяснения по этому поводу». Согласно Потемкину, «Фирлингер впал в отчаяние. Он просил меня ничего не говорить Кулондру, чтобы он еще больше не запутал этот вопрос». Через 15 минут после ухода Фирлингера он позвонил Потемкину и зачитал текст своей телеграммы в Прагу, в которой писал о неразберихе с телеграммами. Что же до его предположений о вероятности односторонней интервенции СССР, которые стали известны широким кругам, доказательств не существовало¹²².

Французское правительство с трудом сохраняло свою целостность: 5 членов кабинета министров угрожали подать в отставку: Рейнод, Мандел, Жан Зэй, Цезарь Кампинчи и Жан Шампетье де Рибе. Некоторые дипломаты с набережной Кэ д'Орсе также безуспешно пытались твердо действовать по отношению к нацистской Германии. Как сказал Зэй, еще оставались крупницы «французского достоинства», но только крупницы¹²³. 23 сентября 1938 г. в московской прессе появились тревожные сведения о том, что на польской территории существует угнетенное украинское меньшинство. 24 сентября Кулондр отправил депешу в Париж, в которой советовал в условиях «неизбежности конфликта» «немедленно» принять предложение Литвинова о созыве совещания штабов. Не получив ответа, тремя днями позднее он телеграфировал вновь, добавив в сообщение о намерениях Польши относительно Тешина. По мнению польского посла в Москве, Бек был убежден в пассивности Англии и Франции и «отсутствии желания остановить раздел Чехословакии только в пользу Германии». Такие же предупреждения поступали из французского посольства в Варшаве. Больше всего французского посла Леона Ноеля волновало то, что Польша могла перейти в немецкий лагерь и разразилась бы «идеологическая война.» Польский посол в Берлине сообщал своему коллеге в Румынии, что рождается «новая Европа», основанная на расовом принципе и «национальной государственности.» Соппротивление

«может быть смертельным.» Ходили слухи, что у Боннэ случился нервный срыв, которым можно объяснить отсутствие ответа на рекомендации Кулондра о созыве совещания штабов вплоть до 28 сентября, и то уклончивого. «Боннэ не слишком впечатлен, — сообщал Фиппс, — перспективой поздней и ограниченной помощи от русских. Теперь он больше боится того, что Польша будет по другую сторону баррикад в случае войны»¹²⁴.

В это же время на улицах Парижа возникли беспорядки, в связи с обвинениями правых против коммунистов в «провоцировании войны» и подготовке революции для установления «коммунистического режима». Даже в Праге правые обвиняли СССР в ответственности за чехословацкую капитуляцию. Потемкин распорядился Александровскому опубликовать речь Литвинова в Женеве, чтобы опровергнуть эти обвинения¹²⁵.

К концу сентября СССР сделал все возможное для того, чтобы помочь Чехословакии. Литвинов оставался в Женеве, но его действия вызывали только академический интерес в правительствах Англии и Франции, которые пытались найти спасение от кошмарных вариантов развития событий. Они, однако, не горели желанием принять всю полноту ответственности за свои действия. Когда чехословацкий посол Масарик полемизировал с Галифаксом, последний сказал, что Чемберлен был всего лишь «посыльным» для Гитлера.

— Посыльным преступника и убийцы! — резко возразил Масарик.

— К сожалению, так оно и есть, — ответил Галифакс.

Если Бенеш не сообщал Москве, что он оставлен Англией и Францией на произвол судьбы, это делал Масарик. Майский узнал о комментариях Галифакса в Женеве. «Комедия идет рука об руку с трагедией», — писал он в своем дневнике¹²⁶.

В Париже Фиппс обобщил позицию: «Если немецкая агрессия не будет слишком жестокой, кровавой и длительной... чтобы привести в ярость французское общественное мнение до такой степени, что люди вообще потеряют голову, мысль о войне будет крайне непопулярна во Франции. Поэтому, я думаю, что правительство Его Величества должно понимать крайнюю опасность даже намек на появление пусть разрозненной, немногочисленной, но шумной группы в поддержку войны у нас в стране. Все лучшее, что есть во Франции, выступает против войны,

почти любой ценой». Даже Галифаксу не понравилось упоминание «разрозненной, немногочисленной, но шумной группы в поддержку войны». Но Фиппс нисколько не ошибался, описывая взгляды, преобладающие среди французской элиты. Он защищался, говоря, что имел в виду, что «коммунисты уже месяцами получают деньги от Москвы на разжигание войны»¹²⁷.

В воскресенье, 25 сентября, в Женеве было относительно спокойно. Литвинов собрал у себя всех своих послов, чтобы задать неизбежный вопрос: «Ну, как ... война начнется или нет?» Он предполагал, что Англия и Франция сдадутся, с чем был согласен Суриц, однако мнение остальных было иным: если Чехословакия будет сопротивляться, сражаться придется всем, включая Англию и Францию. «Решатся ли Чемберлен и Даладьё, в случае необходимости, смело произнести слово „война“? Может быть и не решатся», — рассуждал Майский.

«Насколько я знаю британцев, склонен согласиться с вами, — отвечал он Литвинову. — Но в теперешней ситуации существуют неизвестные факторы, которые могут иметь существенное значение. К примеру, поведение чехов в момент опасности...». В подсознании общественности засела мысль: Что если Бенеш сделает «что-нибудь безумное?» Если чехословаки будут сопротивляться, по соображениям Фиппса, будет трудно держать общественное мнение Франции под контролем дольше 10 дней. Боннэ же, тем не менее, был уверен, что Франция не будет воевать ни при каких обстоятельствах. Протестовать будут, наверное, только коммунисты¹²⁸.

В это же воскресенье Боннэ и Даладьё встретились с Чемберленом, Галифаксом и прочими в Лондоне, чтобы обсудить недавние события и выработать стратегию поведения на ближайшее будущее. Даладьё выступал в пользу противостояния дальнейшим требованиям Германии, но, в конце концов, сдался и пошел на поводу у Чемберлена. Майский лишь на следующий день узнал о встрече и о том, что Гамелен отправился в Лондон для получения резюме переговоров. Боннэ «сыграл самую позорную роль... настаивая на необходимости избежать войны любой ценой.» Если верить дневнику советского посла в Лондоне, Даладьё в общем и целом поддерживал Боннэ. Это косвенно подтверждается тем, что он не уволил того, не заставил его молчать. Даладьё не раз говорил о том, что Франция выполнит обязательства перед Чехословакией; а Боннэ говорил, что Третья республика не может

этого сделать. Согласно Майскому, Гамелен был оскорблен тем, что одним из доводов Боннэ в поддержку своей позиции было упоминание о «чести французской армии». Гамелен настаивал на том, что если придется воевать, Франция выйдет в конечном итоге победительницей. У немцев не было времени для укрепления своей обороны по так называемой «линии Зигфрида» на западе; «в настоящее время это лишь стена из джема». Таково вкратце то, что Даладье сказал во время встречи в Лондоне. Майскому это было прекрасно известно. Он также получил сообщение о том, что Чемберлен в беседе с представителями оппозиции охарактеризовал Гитлера как «достойного человека», который сохранит мир после получения Судетской области. Артур Гринвуд и Клемент Эттли отнеслись к этим словам скептически.

— Вы читали гитлеровскую «Мою борьбу?» — спрашивали они.

— Да, — зло ответил Чемберлен, — читал. Но кроме этого я встречался с Гитлером, а вы — нет!

— Что если Судетская область — не последнее требование Гитлера?

Чемберлен вновь раздраженно ответил:

— Я встречался с Гитлером, и верю ему, верю¹²⁹.

28 сентября Боннэ был на грани паники, обвиняя Бенеша в кознях против британского и французского правительств за то, что тот «всеми силами боролся за „превентивную войну“»¹³⁰. И так, сопротивление нацистской агрессии превратилось в стремление к «превентивной войне». Вскоре эта идея стала основным содержанием антикоммунистической пропаганды.

Позиция Бенеша, была, конечно, более сложной — лидер небольшой страны, лавировавшей для выживания. По воспоминаниям Александровского, Бенеш «и хотел, и боялся» советской помощи: «В последних беседах со мной он каждый раз судорожно хватался за возможность получить от нас помощь. Он приглашал для беседы только когда получал очередной удар от Франции и Англии». Когда опасность отступала или же президент думал, что нашел «новый выход» из ситуации, «он сразу становился заметно менее заинтересованным в наших отношениях. От начала и до самого конца... он искренне надеялся и до сих пор надеется добиться максимально возможного для Чехословакии с помощью Англии и Франции; что же касается поддержки от СССР, он считает ее самым последним, самоубийственным способом защиты буржуазной

Чехословакии от нападения Гитлера». Бенеш говорил, что не хочет «нести ответственность за начало новой Мировой войны», в которой Гитлеру суждено сделать первый выстрел из-за сопротивления чехов. Вполне возможно, эта мысль появилась после упреков Англии и Франции. «Постоянное давление... начиная с Гитлера и заканчивая Даладье, было недостаточным стимулом для того, чтобы воспрянуть духом и сражаться». Александровский говорил, что никогда не критиковал политику Бенеша, действуя только как посредник, он лишь передавал свои наблюдения в Москву. Его отчеты нельзя назвать критикой, скорее, это был добротный анализ той дилеммы, в которую попал Бенеш, начиная с 1935 года, которая только усиливалась его страхами распространения большевизма на Европу, что мешало ему защитить свою страну от посягательств Гитлера. Те же, кто мог бы его поддержать, заметил Комнен после кризиса, не могли стать еще большими чехословаками, чем сама Чехословакия¹³¹. Однако к радости оппонентов, Бенеш не собирался затевать «чего-либо безумного».

Александровский готовил отчет в Москву как раз во время последнего акта раздела Чехословакии. Поощряемый англичанами и французами, Муссолини убедил Гитлера согласиться на четырехсторонние (исключая, конечно, СССР и Чехословакию) переговоры для преодоления кризиса¹³². Чемберлену представился шанс убедить всех в том, что он может вести переговоры с Гитлером. Утром 29 сентября он в третий раз отправился в Германию на самолете. На этот раз его целью был Мюнхен, где должна была состояться конференция. В кинохронике «Пате Газет» остался момент его отъезда. Воодушевленный, он быстро прошел к самолету на аэродроме Хэстон и с сияющими глазами обратился к собравшимся членам кабинета министров и своим сторонникам: «В детстве я постоянно повторял: если не получается, пытайся вновь, вновь и вновь. Этим я сейчас и занимаюсь. Когда вернусь, надеюсь, смогу сказать то же самое, что когда-то сказал сорвиголова Генри IV: „Мы выдернули этот цветок из зарослей крапивы даже не обжегшись“. „Ура!“ — ответила ему толпа провожающих. Во время взлета самолета премьер-министра голос за кадром говорит: „В добрый путь, мистер Чемберлен!“»¹³³.

Конец истории всем известен: в Мюнхене действительно было заключено соглашение, которое полгода спустя привело к исчезновению

Чехословакии. Кинохроника «Пате Газет» показывает Чемберлена, Даладье, Гитлера и Муссолини ранним утром 30 сентября за подписанием Мюнхенского соглашения. На следующих кадрах мы видим довольного Чемберлена, наклонившегося к немецкому служащему, забирающему английские копии соглашения. Даладье, наблюдая эту сцену, резко разворачивается и уходит, видимо, не желая получать свою. Бросается в глаза отсутствие чехословацкого и советского представителей¹³⁴. Тем временем, в Праге Бенеш просит совета у СССР, однако некоторое время спустя информирует Александровского о том, что принимает Мюнхенскую сделку. В дневнике Майского сохранилась запись о том, что в Лондоне он был свидетелем рыданий Масарика, сказавшего, что «они продали нас Германии в рабство, как когда-то продавали негров Америке». Советский посол «тепло пожал ему руку»¹³⁵.

Советскому правительству оставалось лишь оценить ущерб. В начале октября Литвинов по пути в Москву остановился в Париже. Он отказался от приглашения Боннэ заехать на Кэ д'Орсэ, но заехал в советское посольство, чтобы поговорить о Мюнхенском соглашении. Торжествовал ли Боннэ? Не по отношению к Литвинову, но к Фипсу, который, по всей видимости, вспомнил о своих давних и темных страхах: «Боннэ сказал мне, что намерениям СССР навязать Франции свою точку зрения на внешнюю политику не суждено было сбыться. Он улыбнулся при упоминании советской помощи в случае новой войны, относя исключительное мужество СССР к удаленности от поля боя». Боннэ продолжал переносить французские пороки на Советский Союз. По мнению Литвинова, Даладье можно было назвать героем, однако европейская пресса обожествляла Чемберлена. Подношения и последователи скапливались у его дверей, названия улиц меняли в его честь, его представили к награждению Нобелевской премией за сохранение мира. Литвинов об этом не говорил, но «Пате Газет» выпустила новую кинохронику Мюнхенской конференции, в которой голос за кадром воодушевленно говорил: «Четверо могучих мужчин собрались за одним столом... И воцарился мир в Европе!» Открытая машина Даладье проследовала через толпы парижан, из окон зданий развевались флаги, играла «Марсельеза», а на заднем сиденье машины сидел улыбающийся Боннэ¹³⁶.

Вернувшись в Москву, Литвинов был в ярости, причиной которой были действия Франции, страны, которая, согласно «Дневнику Москвы»

(полуофициальной еженедельной газете НКВД), даже не смогла сохранить достоинство на встрече в Мюнхене. Подобный комментарий лишь подтверждает, что Даладье еще в мае поддался немецкому послу, в то время, как раздраженный Кулондр требовал извинений¹³⁷. Наблюдая за этой бурей в стакане воды, Литвинов, должно быть, думал: «У меня есть и более важные дела, а именно, провал советской внешней политики в Европе и мое собственное будущее». Характеристика Великобритании из уст Москвы была еще более жесткой. Кое-то в советской столице вспомнил о другой фразе Генриха IV, которая говорила об «опасных... намерениях», «ненадежных... друзьях» и «трусливых» подхалимах¹³⁸. Шутники из Форин оффис предлагали свой вариант слов Чемберлена: «Если не можешь проиграть сразу, летай вновь, вновь и вновь». Что касается поляков, «их игра слишком тонка», а Комнен заметил: это лишь «политика наудачу», которая может привести к нежелательному обращению на них внимания Гитлера. По словам одного из французских дипломатов, поляки подобны «упырям, которые в прошлых столетиях ползали по полям сражений, добывая и грабя раненых». «Стервятники» — охарактеризовал их Даладье¹³⁹. Хотя кто бы говорил.

Суриц писал, что Франция пережила второй Седан — второе катастрофичное поражение, что ему отвратительны веселящиеся толпы в Париже. Майский докладывал, что Чемберлен вполне уверен в себе и собирается продолжать «отступление перед агрессором». Литвинов соглашался с этой точкой зрения, но не разделял мнение Сурица о том, что именно тотально пораженческое общественное мнение привело к Мюнхену. Сильное французское правительство могло бы повлиять на массовые настроения. «Французское правительство, — писал Литвинов, — ничего не сделало, чтобы объяснить своему народу важность Чехословакии с точки зрения интересов и национальной безопасности самой Франции». Франко-советский пакт — эта пустышка, которую Литвинов счел достойной заключить в 1935 году, разбилась вдребезги. Суриц докладывал, что радикалы, среди которых были и Боннэ, и Даладье, замыслили аннулировать его, как будто это подкупило бы Гитлера. Крайне правые и правые, чьи идеи были хорошо восприняты и центристами в французском правительстве, презирали саму идею франко-советского пакта, так как это подкрепляло и узаконивало «их основного и наиболее ненавистного врага,

французскую коммунистическую партию... становится вполне понятным, почему наравне с испанским вопросом основное давление справа производится по линии нашего пакта, по линии взаимоотношений с СССР»¹⁴⁰.

В декабре 1938 г. Риббентроп посетил Париж для подписания франко-германского договора. Литвинов не представлял себе, какой ценой достался Франции визит Риббентропа, хотя, с присущим ему сарказмом, подозревал, что Гитлер пошел на «акт доброй воли», дабы подкрепить позицию Боннэ и Даладье. Чем дольше они оставались у власти, тем лучше было для Гитлера, полагал Литвинов. Он даже подозревал, что Боннэ что-то «втайне пообещал», конечно, не в письменной форме и без ведома членов кабинета министров¹⁴¹. В Париже также ходили слухи о том, что Боннэ мог сказать Риббентропу. В частности, о том, что он мог предложить Гитлеру свободу действий на Востоке взамен на обещание оставить Францию в покое.

31 декабря 1938 года Литвинов вполне оправданно пожаловался на передовицу во французской газете «Ле Топмс», вне всяких сомнений, вдохновенную Боннэ и подготавливающую почву для дальнейших договоренностей с Германией. По мнению Литвинова, у Боннэ не было на уме каких-либо иных задач, кроме «ликвидации» франко-советского и франко-польского соглашений. Возможно, он как разрешил предоставить свободу действий на Востоке, но, согласно Литвинову, Боннэ просчитался, так как Гитлер не собирался давать чего-то взамен. Этого не требовалось¹⁴².

Корреспонденция Литвинова после неудачи, связанной с Мюнхеном, была мрачной. Однако, как показали события 1939 года, он не оставлял идеи всеобщего альянса против Гитлера. Последняя его попытка — в апреле 1939 года, когда он предложил Тройственный политический и военный союз Лондону и Парижу. И хотя французы поначалу заинтересовались, британцы отвергли советское предложение с обычным для них презрением. Это была последняя капля: 3 мая 1939 года Сталин отправил Литвинова в отставку¹⁴³. Он, должно быть, полагал, что раз подход Литвинова не работает, нужно найти новый.

Политику СССР в течение Мюнхенского кризиса нельзя рассматривать в отрыве от неудач в вопросе о советской идее коллективной безопасности. Литвинов безуспешно настаивал на взаимодействии против нацистской Германии. Его курс был основан не на субъективном мнении; он был одобрен Политбюро, а следова-

тельно — Сталиным. По сути, во второй половине 1930-х не было вопросов в советской внешней политике, которые не решались бы Генеральным секретарем¹⁴⁴. Когда Сам собирался менять курс, Литвинов пытался его переубедить. Когда в Москве с вопросом не могли определиться, Литвинов убедил Сталина принять ничего не стоивший договор 1935 года. Именно он получил одобрение Сталина в сентябре 1936 на возобновление попыток собрать антинацистскую коалицию. Он же отговорил Сталина от чрезмерно агрессивной политики по отношению к Испании. Литвинов, по всей видимости, убедил Сталина рассмотреть возможность переговоров штабов с французами в 1936–1937 годах, несмотря на оправданный скепсис последнего. Литвинов же получил сталинское одобрение на советскую позицию в поддержку Чехословакии в том виде, в котором он представил ее Пайарту 2 сентября 1938 года. Во всех этих делах Литвиновым двигали государственные нужды, какими он их себе представлял: нацистская угроза и необходимость организовать сильную коалицию, чтобы ей противостоять.

Изо всей секретной переписки и заметок Литвинова, упомянутых в данном очерке, только одно сообщение идет в русле марксизма-ленинизма. В 1936 году он предложил Сталину опубликовать статью в советской прессе, чтобы предупредить Францию. Сталин, должно быть, рассмеялся над неуклюжей попыткой Литвинова «говорить, как большевик». Возможно, Литвиновым двигала обычная и естественная идея: нельзя отступать перед лицом агрессора. Была и другая: враг моего врага — мой друг. «Белые вороны» в Париже поняли идею, как и задолго до этого короли Франции, заключали союзы с османскими султанами. Цвет Третьей Республики забыл о своей истории или предпочел не повторять ее.

А как же Сталин? Был ли он заложником идеологических догм или он не придавал значения различиям в «империалистических» противниках? Была ли его подозрительность по отношению к французам основана на идеологических предвзятостях или на долгом опыте взаимоотношений с их враждебным правительством? В ходе 1930-х Сталин был поглощен внутренней политикой и уничтожением политической оппозиции. Он был уверен в Литвинове — в той степени, в какой он доверял кому угодно, и позволял последнему говорить от лица советского государства. До сих пор были доступны только некоторые секретные директивы Сталина ка-

сательно внешней политики. Тем не менее, нам известно, что советская внешняя политика была в высшей степени централизованной и даже незначительные вопросы выставлялись на повестку Политбюро. Исходя из расписания Сталина, мы знаем, что Литвинов регулярно, хоть и не часто встречался со Сталиным, и очень часто — в период кризиса. У нас есть доступ к архивам Политбюро, в частности, к протоколам заседаний по вопросам дипломатии. Сам Литвинов искренне верил в необходимость иерархии. Внешней политикой нельзя было заниматься на лету, а дипломатам в зарубежных столицах — говорить, что им вздумается. Советский Союз в 1930-х годах искал точки соприкосновения исключительно в целях собственной безопасности. Его политика была всегда сдержанной в обстановке постоянной враждебности и опасности. СССР не искал пути к «изоляции». Литвинову необходимо было создать антинацистский альянс, и он постоянно продвигал эту идею. Парадоксально, но две европейские державы, так нуждающиеся в оружии, золоте и сильном союзнике отвергли все предложения от такого потенциального союзника, который мог бы кардинально изменить баланс сил.

В начале 1938 года, накануне чехословацкого кризиса, упорные попытки Литвинова создать антигерманский альянс потерпели сокрушительный провал. Становится понятной осторожность советского правительства во взаимоотношениях с Лондоном и Парижем, хотя Москва, как писал Литвинов Сурицу в январе 1938 года, все еще держала дверь открытой. В том году Литвинов несколько раз пытался помочь Чехословакии в вопросе обеспечения безопасности: в марте, июне, августе и сентябре¹⁴⁵. Вопрос о помощи в одиночку не стоял; это было обречено на провал, учитывая «испанский опыт». Эффективной система коллективной безопасности могла стать только в случае участия Англии и Франции, которое так и не состоялось. Тем не менее, французское и британское правительства, как и множество западных историков и журналистов, впоследствии обвиняли Москву в вероломстве, измышлениях, интриганстве с целью оставить Францию и Британию наедине с Гитлером. Таким образом, преступник обвинял жертву своего преступления. Франция и Британия утверждали, что Красная армия не выдержит наступления из-за чисток 1937 года, которые означали упадок СССР. Они противоречили фактам. В июле и августе 1938 Красная армия отразила японские атаки у озера Хасан на Дальнем Востоке, а в сентябре

за 10 дней мобилизовала больше дивизий на русско-польских границах, чем Франция — на германской. У Британии, конечно, не было армии, чтобы послать на помощь Франции, а та не собиралась выступать против Германии даже несмотря на то, что генерал Гамелен назвал укрепления на западных границах «стеной из джема».

Кроме того, существовал и польский фактор. Польша формально была союзником Франции, но заключила пакт о ненападении с Гитлером. Польская элита питала отвращение к России и большевикам, пренебрежительно относилась к чехословакам. Польское правительство объявило о политике невмешательства в дела двух опасных соседей, однако на самом деле держалась курса нацистской Германии. Французы временами заговаривали о расторжении договора с Польшей, но так никогда не решились из-за боязни, что Польша в открытую перейдет на сторону Германии. Если бы началась война за Чехословакию, Красная армия перешла бы в наступление на Польшу как на германского союзника и, нанеся ей поражение, распространила бы советское влияние на территорию Европы. Франция и Великобритания умышленно проглядели агрессивные польские намерения в надежде избежать худшего исхода, как минимум, для себя. Их кошмары об омерзительных близнецах: войне и большевистская революция — препятствовали защите как Чехословакии, так и всей Европы от нацистской Германии.

Итак, на ком же лежит ответственность за падение Чехословакии? В первую — на Лавале, который разрушил франко-советский пакт, и Бенеше, который целиком зависел от Франции и принял губительные для страны условия мирного урегулирования конфликта. Литвинов предупреждал его не принимать эту сделку, но чешский президент не пошел на сближение с СССР без Франции, а последняя никогда не решилась бы на этот шаг. Таким образом, необходимый союз был несостоятелен изначально, несмотря на последующие попытки Блюма восстановить ситуацию. Великобритания также сыграла роль, так как ее МИД принял франко-советский пакт в сильно урезанной форме, и то неохотно. Когда СССР настаивал на переговорах штабов, а Блюм и его сторонники пытались продвигать эту идею, вмешался Иден и движение прекратилось. А вскоре и Сталин внес свою лепту: возможно, он не предполагал, что его убийственная внутренняя политика может повлиять на международные отношения. Если дело было в этом, то Сталин глубоко заблуждался, так

как чистки в верховном советском командовании стали хорошим предлогом для французского генералитета не вступать в тесные взаимодействия с Москвой, которые им в любом случае были не нужны.

Несмотря на неурядицы в стране, вызванные репрессиями, советская внешняя политика продолжала курс в защиту национальных интересов государства, а Красная армия в сентябре 1938 года провела частичную мобилизацию. Начала бы Красная армия военные действия в случае вступления в войну за Чехословакию Англии и Франции? Доступные в настоящее время материалы

не позволяют дать однозначный ответ, но вопрос является спорным в любом случае. СССР не стал бы действовать в одиночку, а Франция и Великобритания не собирались вообще что-либо делать. Чехословакия могла бы попытаться выйти из положения, изначально рассчитывая только на свои силы. Но Бенеш не был тем лидером, который мог бы вести страну в этом направлении. У Чехословакии не было более опытного союзника, чем Литвинов. Британия, Франция и сам Бенеш боялись схватки. В этом деле, как сказал Литвинов, как бы ни отрицали на Западе, только у Советского Союза остались «чистые руки».

¹ Галифакс — британской делегации в Женеве, № 54, 23 сентября 1938 / Документы британской внешней политики (далее: ДБВП), серия 3. Лондон: 1949–1957. Т. II. С. 480; Запись от 23 сентября 1938 г. / Майский И. М. Дневник дипломата. (Далее: Дневник). М., 2006–2009. Кн. 1. С. 277–280.

² См. *Young R. J. France and the Origins of the Second World War*. NY, 1996; *Parker R. A. C. Chamberlain and Appeasement: British Policy and the Coming of the Second World War*. London, 1993; *Carley M. J. 1939: The Alliance That Never Was and the Coming of World War II*. Chicago, 1999.

³ *Pons S. Stalin and the Inevitable War, 1936–1941*. L, 2002. P. 126 and passim.

⁴ *Steiner Z. The Soviet Commissariat of Foreign Affairs and the Czechoslovakian Crisis in 1938: New Material from the Soviet Archives // Historical Journal*, 1999, № 42. P. 751–79. Хотелось бы поблагодарить Зару за высланные ею мне фотокопии советских документов, которые были использованы при написании данной работы.

⁵ *Ragsdale H. The Soviets, the Munich Crisis, and the Coming of World War II*. London — NY, 2004. P. xv; Безыменский Л. А. Сталин и Гитлер перед схваткой. М., 2009. С. 140–151. См. также *Roberts G. The Unholy Alliance: Stalin's Pact with Hitler*. Bloomington, 1989. P. 85–93; *Haslam J. The Soviet Union and the Struggle for Collective Security in Europe, 1933–39*. NY, 1984. P. 158–194; *Dullin S. Des hommes d'influences: les ambassadeurs de Staline en Europe, 1930–1939*. Paris, 2001. P. 285–301; *Uldricks T. J. War, Politics and Memory: Russian Historians Reevaluate the Origins of World War II // History & Memory*, 2009, 21. P. 60–82.

⁶ Charles Alphand, French Ambassador in Paris, nos. 444–46, 12 October 1934, *Documents Diplomatiques Français* [hereinafter DDF], 1re série. Paris, 1964–1984. Vol. VII. P. 718–19; АВП РФ (Архив внешней политики Российской Федерации), Ф. 0136. Оп. 19, п. 164. д. 814, л. 166–170

⁷ МАЭ [Ministère des Affaires étrangères, Paris], [ancienne série Z] Europe, 1918–1940, URSS, vol. 974, fol. 26.

⁸ АВП РФ. Ф. 05, оп. 15, п. 113, д. 122, л. 150–151; Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Европа. Решения «особой папки», 1923–1939. / Под ред. Адиебекова Г. М., 2001. С. 322.

⁹ АВП РФ Ф. 082. Оп. 18. П. 80. Д. 1. Л. 52–49.

¹⁰ Документы внешней политики СССР (далее: ДВП). М., 1958. Т. XVIII. С. 292–93; Телеграмма Потемкина в НКВД от 20 апреля 1935 / Там же. С. 295–96.

¹¹ ДВП. Т. XVIII. С. 296–97; Политбюро ЦК РКП(б)... С. 325, 326.

¹² DDF, 1er, X, 384–85.

¹³ ДВП. Т. XIV. С. 306–309.

¹⁴ АВП РФ, Ф. 05, оп. 15, п. 113, д. 112. Л. 179–182; там же. П. 106. Д. 16. Л. 5–6; На приеме у Сталина: тетради (журналы) записей лиц, принимаемых И. В. Сталиным (1924–1953 гг.) / Под ред. Чернобаева А. А. М., 2008. С. 160–161.

¹⁵ Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений в 5 томах. М., 1973–1975. Т. III. С. 106–107; по истории советско-чехословацких отношений см. также *Кен О. Н. Чехословакия в политике Москвы (1932–1939 гг.)*. «Россия XXI»: 1996, № 7–8. С. 52–70. № 11–12. С. 82–112; 1997, № 1–2. С. 62–86.

¹⁶ АВП РФ. Ф. 05. Оп. 15. П. 113. Л. 184; DDF, 1er, X, 361–62; АВП РФ. Ф. 0136. Оп. 19. П. 164. Д. 814. Л. 106.

¹⁷ Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б)... С. 326.

¹⁸ АВП РФ. Ф. 05. Оп. 15. П. 113. Д. 122. Л. 163–166.

¹⁹ Советско-румынские отношения: документы и материалы в 2 тт. (Далее: СРО) М., 2000. Т. II. С. 18–19; Там же. С. 21–22; АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 16. П. 122-а. Д. 1. Л. 31–30.

²⁰ СРО. Т. II. С. 24–25; там же. Ф. 082. Оп. 18. П. 80. Д. 1. Л. 71–69.

²¹ СРО. Т. II. С. 39–44; Там же. С. 30–33; АВП РФ. Ф. 0136. Оп. 19. П. 164. Д. 814. Л. 74–77.

²² Там же. Л. 96–99.

- ²³ МАЭ URSS/977, ff. 175–76.
- ²⁴ Sargent's Minute, 4 May 1935, C3613/55/18, FO [National Archives of the United Kingdom, Kew, Foreign Office] 371 18838.
- ²⁵ АВП РФ. Ф. 0136. Оп. 19. П. 164. Д. 814. Л. 106; МАЭ URSS/973, ff. 107–110; *ibid.* URSS/1004, ff. 172–74.
- ²⁶ МАЭ URSS/972, ff. 116–19.
- ²⁷ *Tabouis G. They Called Me Cassandra*. NY, 1942. P. 207.
- ²⁸ АВП РФ. Ф. 05. Оп. 14. П. 95. Д. 4. Л. 53–63; там же. Оп. 15. П. 103. Д. 1. Л. 3–8, 65–67. О польско-чехословацких отношениях см. *Морозов С. В. Польско-чехословацкие отношения, 1933–1939*. М., 2004.
- ²⁹ АВП РФ. Ф. 082. Оп. 15. П. 80. Д. 1. л. 68–67.
- ³⁰ Там же. Ф. 05. Оп. 15. П. 106. Д. 30. Л. 15–16.
- ³¹ Sargent's Minute, 19 Feb. 1935, C1339/55/18, FO 371 18826; C4694/55/18, FO 371 18846.
- ³² FO 371 19460, N6304/135/38.
- ³³ МАЭ URSS/978, ff. 195–97; АВП РФ. Ф. 0136. Оп. 19. П. 164. Д. 814. Л. 133–41.
- ³⁴ Там же. Л. 17–18; Там же. С. 7–13; там же. Оп. 16. П. 154. Д. 730. Л. 15–13.
- ³⁵ N2418/22/38, FO 371 16319.
- ³⁶ АВП РФ. Ф. 05. Оп. 5. Д. 89. П. 21. Л. 7–9, 10–11, 1, 21; РГАСПИ Ф. 359. Оп. 1. Д. 7. Л. 95; АВП РФ Ф. 05. Оп. 15. П. 113. Д. 122. Л. 110; N1404/75/38, FO 371 14860; C4517/18/17, FO 371 20686; *Stalin's Letters to Molotov, 1925–1936 / Ed. L.T. Lih*. — New Haven, 1995. P. 174–75.
- ³⁷ АВП РФ. Ф. 0136. Оп. 20. П. 167. Д. 828. Л. 18–11, 27–19.
- ³⁸ Там же. Ф. 05. Оп. 15. П. 106. Д. 16. Л. 35–37; СРО. Т. II. С. 34–38.
- ³⁹ АВП РФ. Ф. 0136. Оп. 19, П. 164. Д. 814. Л. 2–3, 4–6.
- ⁴⁰ Там же. Ф. 05. Оп. 15. П. 106. Д. 30. Л. 33; там же ф. 082. Оп. 18. П. 80. Д. 1. Л. 101–100.
- ⁴¹ Там же. Ф. 0136. Оп. 19. Д. 814. П. 164. Л. 119–22; *Documents on German Foreign Policy* [далее *DGFP*], series C, vol. IV. Washington, 1959–1983. Pp. 255–56, 493–96, 925–26.
- ⁴² SRO, I, 58–59; and Robert Coulondre, French Ambassador in Moscow, no. 20, 8 Jan. 1937, МАЭ, *Bureau du chiffre, télégrammes à l'arrivée de Moscou*, 1937.
- ⁴³ Советско-американские отношения: годы непризнания, 1927–1933. М., 2002. С. 748–749. А также различные документы в сб. «Советско-американские отношения, 1934–1939» (М., 2003).
- ⁴⁴ АВП РФ. Ф. 05. Оп. 15. П. 108. Д. 47. Л. 32–33; там же оп. 15. П. 103. Д. 1. Л. 95–96.
- ⁴⁵ Там же. Ф. 0136. Оп. 19. П. 164. Д. 814. Л. 82–83.
- ⁴⁶ Там же. Ф. 05. Оп. 16. П. 114. Д. 1. Л. 31–32, 43, 56–60; ДВП т. XIX, с. 98–99; АВП РФ Ф. 05. Оп. 16. П. 114. Д. 1. Л. 31–32, 43, 56–60; ДВП т. XIX, с. 98–99; АВП РФ, Ф. 05. Оп. 16. П. 118. Д. 44. Л. 19–21.
- ⁴⁷ N880/20/38, FO 371 20339; *Carley M. J. A Fearful Concatenation of Circumstances: The Anglo-Soviet Rapprochement, 1934–1936 / Contemporary European History*, 1996, Vol. 5, No. 1. P. 29–69.
- ⁴⁸ АВП РФ. Ф. 0136. Оп. 20. П. 167. Д. 828. Л. 84–79, 10–9.
- ⁴⁹ Там же. Ф. 05. Оп. 16. П. 116. Д. 22. Л. 38–39; «На приеме у Сталина», С. 191–193; О. 16, P. 116, D. 22, II. 38–39; *Carley M. J. Caught in a Cleft-Stick: Soviet Diplomacy and the Spanish Civil War // The International Context of the Spanish Civil War*. Cambridge, 2009. P. 151–180.
- ⁵⁰ *DDF*, 2e, III, 329–31.
- ⁵¹ АМАЕ (*Arhiva Ministerului Afacerilor Externe*, Bucharest), *fond 71* (1920–1944), URSS, vol. 84, ff. 4–5; *DDF*, 2e, III, 552–53, 570–71; SRO, II, 110–11; также хотел бы поблагодарить свою помощницу Елену Лавинию Попицу, которая нашла и перевела для меня ряд румынских документов.
- ⁵² АВП РФ. Ф. 0136. Оп. 20. П. 167. Д. 828. л. 175–172.
- ⁵³ Там же. Л. 24–23.
- ⁵⁴ “Notes on the Attitude of the French General Staff towards the Franco–Soviet Pact,” F.G. Beaumont Nesbitt, nd (but October 1936), C7262/92/62, FO 371 19880.
- ⁵⁵ АВП РФ. Ф. 0136. Оп. 20. П. 167. Д. 828. Л. 185–189.
- ⁵⁶ Там же. Оп. 21. П. 169. Д. 837. Л. 14–13; AN [*Archives Nationales*, Paris], *Papiers Schweisguth*, 351AP/3.
- ⁵⁷ ДВП, XIX. С. 428–429; C3620/532/38, FO 371 20702; C3685/532/62, *ibid.*; C3910/532/62, *ibid.* См. тж. *Jansen S. Pierre Cot. Un antifasciste radical*. Paris, 2002. ff. 294–307, *Carley*, 1939, 22–25; *Carley M. J. A Soviet Eye on France from the rue de Grenelle in Paris, 1924–1940 // Diplomacy & Statecraft*, 2006, Vol. 17, No. 2. P. 322–27.
- ⁵⁸ C8880/532/62, FO 371 20702.
- ⁵⁹ АВП РФ. Ф. 0136. Оп. 21. П. 169. Д. 837. Л. 7–4; там же. Ф. 05. Оп. 17. П. 135. Д. 109. Л. 35.
- ⁶⁰ Там же. Ф. 0138. Оп. 18. П. 126. Д. 1. Л. 31–28, 36–35.

- ⁶¹ Там же. Ф. 05. Оп. 17. П. 128. Д. 24. Л. 58–61; там же ф. 0136. Оп. 21. П. 109. Д. 839. Л. 4–3.
- ⁶² Carley M.J. Episodes from the Early Cold War, Franco-Soviet Relations, 1917–1927. // *Europe-Asia Studies*, 57, 7 (2000). P. 1278; Carley M.J. Soviet Eye. P. 319–20; АВП РФ. Ф. 0136. Оп. 21. П. 169. Д. 839. Л. 12–9; там же. Оп. 20. П. 167. Д. 828. Л. 180–182; Lacroix-Riz A. Le choix de la défaite. Les élites françaises dans les années 1930. Paris, 2006. S. 173–78.
- ⁶³ Vidal G. Le PCF et la défense nationale à l'époque du Front populaire (1934–1939) // *Guerres mondiales et conflits contemporains*, 2004, № 215. ff. 47–73.
- ⁶⁴ АВП РФ. Ф. 0136. Оп. 21. П. 169. Д. 837. Л. 22–19; DDF, 2e, VII, 433–35.
- ⁶⁵ АВП РФ. Ф. 05. Оп. 18. П. 140. Д. 26. Л. 1–4.
- ⁶⁶ Там же. Ф. 0136. Оп. 21. П. 169. Д. 839. Л. 58–53; там же ф. 05. Оп. 17. П. 128. Д. 24. Л. 70–71; Документы по истории мюнхенского сговора (далее: ДИМС). М., 1979. С. 19–20; Майский И. М. Ук. соч. Кн. 1. С. 190–195; AMAE, f. 71/France, vol. 3, fol. 6.
- ⁶⁷ Майский И. М. Ук. соч. Кн. 1. С. 165.
- ⁶⁸ АВП РФ. Ф. 011. Оп. 1. П. 8. Д. 76. Л. 186–180; там же. Ф. 0136. Оп. 21. П. 169. Д. 839. Л. 63–59.
- ⁶⁹ Там же. Ф. 011. Оп. 2. П. 17. Д. 165. Л. 12–10.
- ⁷⁰ АВП РФ. Ф. 05. Оп. 18. П. 140. Д. 26. Л. 10–13.
- ⁷¹ Там же. Ф. 0136. Оп. 22. П. 172. Д. 863. Л. 75–78; DDF, vol. VIII, ff. 772–74; *ibid.* vol. VII, ff. 550–52.
- ⁷² АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 19. П. 128. Д. 1. Л. 13–15.
- ⁷³ ДВП, т. XXI, с. 126–27; DDF, vol. VIII, ff. 824–31; AMAE, f. 71/France, vol. 3, ff. 27–29.
- ⁷⁴ АВП РФ. Ф. 011. Оп. 2. Д. 17. П. 11. Л. 29–28.
- ⁷⁵ Cadogan's minute, 17 March 1938, C1935/95/62, FO 371 21626.
- ⁷⁶ АВП РФ. Ф. 05. Оп. 18. Д. 149. П. 166. Л. 4–7; там же. Ф. 05. Оп. 18. Д. 148. П. 158. Л. 15–19; ДВП, т. XXI, с. 96–97.
- ⁷⁷ АВП РФ. Ф. 05. Оп. 18. Д. 148. П. 158. Л. 20–23.
- ⁷⁸ Там же, л. 36–34.
- ⁷⁹ Там же. Л. 25–30. Данная телеграмма опубликована также в ДИМС (с. 80–83), но последний абзац о Польше там опущен.
- ⁸⁰ АВП РФ. Ф. 05. Оп. 18. Д. 140. П. 26. Л. 22–24.
- ⁸¹ ДВП, т. XXI, с. 161–64; АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 19. Д. 128. П. 1. Л. 23.
- ⁸² Там же, л. 25–26; там же, л. 27–28; там же, оп. 18. Д. 140. П. 26. Л. 32–33.
- ⁸³ Foreign Relations of the United States, 1938 [далее: FRUS, 1938]. Vol. I. P. 500–04; University of Birmingham, N. Chamberlain Papers, NC18/1/1042, Chamberlain to his sister Ida, 20 March 1938.
- ⁸⁴ DGFP, D, vol. II, S. 257–60; FRUS, 1938, vol. I, p. 493–95; *ibid.*, pp. 500–04.
- ⁸⁵ ДВП, т. XXI, с. 262–63; АВП РФ. Ф. 05. Оп. 18. П. 149. Д. 166. Л. 11–13; FRUS, 1938, vol. I, pp. 500–04; DDF, vol. IX, ff. 671–73; AMAE, f. 71/URSS, vol. 85, ff. 217–20.
- ⁸⁶ AMAE, f. 71/Romania, vol. 102, fol. 116; *ibid.*, ff. 170–71; Cf., Ragsdale, Munich Crisis, pp. 83–86, 148.
- ⁸⁷ DDF, vol. IX, ff. 815–16; *ibid.*, ff. 825–26; АВП РФ. Ф. 05. Оп. 18. П. 149. Д. 166. Л. 11–13.
- ⁸⁸ DGFP, D, vol. II, s. 326–28.
- ⁸⁹ ДИМС, р. 132; Carley, 1939, pp. 42–44.
- ⁹⁰ АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 19. Д. 128. Д. 1. Л. 33–34.
- ⁹¹ АВП РФ. Ф. 05. Оп. 18. Д. 149. П. 166. Л. 16–18; Cf., Steiner, Crisis, p. 758.
- ⁹² DDF, vol. X, ff. 437–38; ДВП, т. XXI, с. 387–89.
- ⁹³ Carnets secrets de Jean Zay (Paris, 1942), entry of 19 Sept. 1938, 6.
- ⁹⁴ АВП РФ. Ф. 05. Оп. 18. Д. 149. П. 166. Л. 24–27; Cf., Steiner, Crisis, pp. 759–60.
- ⁹⁵ АВП РФ. Ф. 05. Оп. 18. Д. 149. П. 166. Л. 30–32; DDF, vol. X, ff. 445–48; *ibid.*, ff. 450–51; ДВП, т. XXI, с. 402–05.
- ⁹⁶ АВП РФ. Ф. 011. Оп. 2. Д. 17. П. 165. Л. 105–91.
- ⁹⁷ DDF, vol. X, ff. 467–68.
- ⁹⁸ *Ibid.*, ff. 519–20.
- ⁹⁹ ДИМС, с. 174–75; DDF, vol. X, f. 843; *ibid.*, ff. 874–75.
- ¹⁰⁰ *Ibid.*, f. 840.
- ¹⁰¹ *Ibid.*, ff. 899–900.
- ¹⁰² DBFP, vol. II, ff. 194; *ibid.*, ff. 219–20.
- ¹⁰³ Steiner, Crisis, p. 763; «На приеме у Сталина», С. 239; ДВП, т. XXI, с. 470–71; DDF, vol. X, ff. 934–35.
- ¹⁰⁴ DBFP, vol. II, ff. 255–56; *ibid.*, ff. 269–70; Майский И. М. Дневник. Кн. 1. С. 251, 267–68; Carley, 1939, p. 51–55.

- ¹⁰⁵ ДВП, т. XXI, с. 487–88.
- ¹⁰⁶ АВП РФ Ф. 0138. Оп. 19. Д. 128. П. 1. Л. 45–46; ДИМС, с. 215.
- ¹⁰⁷ DBFP, vol. II, ff. 309–312; ДИМС, с. 211–12.
- ¹⁰⁸ DBFP, vol. II, ff. 323.
- ¹⁰⁹ Майский И. М. Дневник. Кн. I, с. 270–71; АМАЕ, f. 71/Romania, vol. 103, fol. 124; ДИМС, с. 213–14; АМАЕ, f. 71/Little Entente, vol. 29, fol. 28.
- ¹¹⁰ ДИМС, с. 235–36; DDF, vol. XI, ff. 347–48; Майский И. М. Дневник. Кн. I, с. 273–74; DDF, vol. XI, ff. 361; *ibid.*, f. 394; *ibid.*, ff. 397–98; ДИМС, с. 244–45.
- ¹¹¹ Майский И. М. Дневник. Кн. I, с. 275–76.
- ¹¹² Phipps, no. 605 saving, 20 Sept. 1938, C10251/5302/18, FO 371 21777.
- ¹¹³ ДВП, т. XXI, с. 498–499; Политбюро ЦК РКП (б), с. 363–364; ДВП, т. XXI, с. 500; ДИМС, с. 244.
- ¹¹⁴ Там же, с. 240–41.
- ¹¹⁵ Майский И. М. Дневник. Кн. I, с. 276–80.
- ¹¹⁶ Международная жизнь, 1988, № 12, с. 119–32; АВП РФ Ф. 0138. Оп. 19. Д. 128. П. 1. Л. 69–70. Историографический комментарий данных событий можно найти в Carley M. J. *Soviet Foreign Policy in the West, 1936–1941 // Europe–Asia Studies*, 2004, vol. 56, No. 7, pp. 1081–92.
- ¹¹⁷ ДВП, т. XXI, с. 515–16; там же, с. 516–17; DDF, vol. XI, ff. 486–87; *ibid.*, ff. 501.
- ¹¹⁸ Herbrand Edward, Earl de la Warr, Lord Privy Seal (Geneva), no. 52, 15 Sept. 1938, C9953/5302/18, FO 371 21776; АМАЕ, f. 71/Romania, vol. 103, ff. 152–53; FRUS, 1938, vol. I, p. 652–54; АМАЕ, f. 71/Romania, vol. 103, fol. 61.
- ¹¹⁹ АМАЕ, f. 71/special files, vol. 343, fol. 12; *ibid.*, fol. 21; *ibid.*, ff. 34–35.
- ¹²⁰ Ragsdale, Munich Crisis, p. 111–26.
- ¹²¹ ДИМС, с. 265; DDF, vol. XI, ff. 446–47.
- ¹²² АВП РФ Ф. 0138. Оп. 19. Д. 128. П. 1. Л. 71–72; ДИМС, с. 204–05.
- ¹²³ Meltz R. Alexis Léger, dit Saint-John Perse. Paris, 2008. Ff. 518–26; Carnets secrets de Jean Zay, 21–22 Sept. 1938, ff. 7–9.
- ¹²⁴ Coulondre, nos. 718–19, 720, 724–27, 23, 24, & 27 Sept. 1938, МАЭ, Bureau du chiffre, Télégrammes à l'arrivée de Moscou, janvier 1938–23 août 1939, Bonnet to Coulondre, no. 555, 28 Sept. 1938, *ibid.*; Djuvara, no. 38206, 22 Sept. 1938, АМАЕ, f. 71/special files, vol. 343, ff. 36–38; and DBFP, vol. II, p. 489.
- ¹²⁵ DBFP, vol. II, p. 509–10; *ibid.*, p. 510.
- ¹²⁶ ДИМС, 284; Майский И. М. Ук. соч. Кн. I. С. 280–83.
- ¹²⁷ DBFP, vol. II, p. 510; *ibid.*, p. 535; *ibid.*, p. 543–44.
- ¹²⁸ Майский И. М. Ук. соч. Кн. I. С. 283–84; АМАЕ, f. 71/special files, vol. 343, fol. 27; DBFP, vol. II, p. 509–10; FRUS, 1938, vol. I, p. 620–21.
- ¹²⁹ Майский И. М. Ук. соч. Кн. I. С. 284–85. Cf., DBFP, vol. II, ff. 520–41; ff. 575–76.
- ¹³⁰ *Ibid.*, ff. 588.
- ¹³¹ ДИМС, с. 326–37; АМАЕ, f. 71/Little Entente, vol. 29, fol. 116.
- ¹³² Meltz, Alexis Léger, p. 525.
- ¹³³ Pathé Gazette, URL: www.britishpathe.com/record.php?id=20737
- ¹³⁴ *Ibid.*, URL: www.britishpathe.com/record.php?id=50545
- ¹³⁵ ДВП, т. XXI, с. 552–53; Майский И. М. Ук. соч. Кн. I. С. 289.
- ¹³⁶ ДВП, т. XXI, с. 555–56; Phipps, no. 645, C11379/5302/18, FO 371 21778; Pathé Gazette, URL: <http://www.britishpathe.com/record.php?id=20746>
- ¹³⁷ АВП РФ Ф. 0136. Оп. 22. Д. 172. П. 863. Л. 9–10.
- ¹³⁸ Спасибо профессору Роберту Джонсону из Университета Торонто за то, что он обратил мое внимание на этот советский ответ.
- ¹³⁹ *The Diaries of Sir Robert Bruce Lockhart, 1915–1946 / Ed. Kenneth Young. — London, 1973. Vol. I, pp. 399, 402; АМАЕ, f. 71/Romania, vol. 259, ff. 96–100; FRUS, 1938, vol. I, p. 667–69.*
- ¹⁴⁰ АВП РФ Ф. 011. Оп. 2. Д. 17. П. 165. Л. 201–192; там же д. 11. П. 17. Л. 83–76; там же оп. 18. Д. 148. П. 158. Л. 75–76; там же, л. 72; п. 165. Л. 229–222; там же, л. 255–238.
- ¹⁴¹ Там же, ф. 05. Оп. 18. Д. 148. П. 158. Л. 88–90.
- ¹⁴² Там же, л. 100–03.
- ¹⁴³ Carley, 1939, гл. 4.
- ¹⁴⁴ Khlevniuk O. V. *Master of the House: Stalin and His Inner Circle*. New Haven, 2009. P. 251.
- ¹⁴⁵ На приеме у Сталина, с. 228–39.